

МИТРОПОЛИТ МЕСОГЕЙСКИЙ
И ЛАВРЕОТИКИЙСКИЙ НИКОЛАЙ

Там, где не видно

БОГА

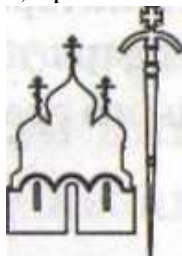
МИТРОПОЛИТ МЕСОГЕЙСКИЙ И ЛАВРЕОТИКИЙСКИЙ НИКОЛАЙ

Там, где не видно **БОГА**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Митрополит Месогейский и Лавреотикийский Николай М 67 Там, где не видно Бога. - М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013. - 176 с.

Книга «Там, где не видно Бога» состоит из двух частей. В первой рассматриваются ситуации, когда человеку бросают вызов страдания и смерть. В ней рассказывается о борьбе человека за исцеление, о Божием посещении в последний момент, когда исчезает всякая надежда. Описываются драматические обстоятельства, в которые попадают родители, сталкиваясь со смертельной болезнью ребенка. Во второй части книги представлена психология людей в предсмертных ситуациях, когда вера и сомнение в бытие Божие сменяют друг друга. Кроме того, приводятся примеры людей, переживших трагедию смерти своих детей, и тех, кто преобразил ожидание собственной смерти в чаение Царствия Божия. Цель книги - дать читателю ощущение незаметного, но убедительного присутствия истинного Бога в подлинных событиях, в жизни людей - посреди боли и увечий, в трагичности жизни и неумолимости смерти там, где Бога не видно.

Книга может быть интересна широкому кругу читателей, в частности благодаря позиции автора, выражающей особенности современного греческого менталитета.

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви

Москва 2013

Мир, в котором мы живем, называют долиной плача, местом слез. Возможно, это оправдано... Куда ни взглянешь, везде боль, горе, несправедливость, грех, смерть. *Князь мира сего* (Ин. 12, 31), *миродержитель* (Еф. 6, 12) - диавол - всегда на виду.

Бог же, имя Которому *Сущий* (Исх. 3, 4), Тот, Который существует и дает существование всему, не виден. *Бога никтоже виде нигдеже* (Ин. 1, 18). Поэтому ставится под сомнение даже само Его существование. Но Он *является* (Ин. 21, 1) и обещает явить Себя тому, кто хранит Его заповеди и любит Его: *явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21).

Цель книги - дать читателю ощущение незаметного, но убедительного присутствия истинного Бога в подлинных событиях, в жизни людей - там, где Бог не виден, посреди боли и увечий, в трагичности жизни и неумолимости смерти.

Повествование разделено на две части. В первой делается попытка показать Лицо Божие через ситуации, когда человеку бросают вызов страдания и смерть. Здесь другая жизнь, которая не подчиняется законам повседневности, здесь другая логика, которая сильно отличается от рациональной. Рассказывается о борьбе человека за исцеление, о Божием посещении в последний момент, когда исчезает уже всякая надежда. Повествуется о Боге, который является в некоем дивном виде, отраженным как в загадочном мире людей, страдающих умственной отсталостью, так и в исполненной величия жизни людей с тяжелыми формами инвалидности - людей, в основном, молодых. Описываются драматические ситуации, когда родители сталкиваются с онкологией ребенка, угрожающей смертью.

Во второй части книги представлена психология людей, стоящих на пороге смерти, когда вера и сомнение, выраженное в искренних вопросах и рациональных доводах, сменяют друг друга. Речь идет о последних минутах жизни человека, когда его близкие, лишь проявляя истинную любовь, могут сообщить умирающему веру в вечную перспективу. Смерть - не конец, но прехожждение в настоящую жизнь, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная»¹. Последующее повествование постепенно подводит к ощущению вечного воскресения благодаря примеру людей, переживших трагедию смерти своих детей, и тех, кто преобразил ожидание

¹ Из Последования панихиды.

² То есть странником, иностранцем (как, например, в стихире на целование Плащаницы: «Дажь ми Сего Страннаго»). - *Примеч. пер.*

собственной смерти в чаяние Царствия Божия.

Все случаи, приведенные в книге, подлинные. Однако по большей части там, где это представлялось необходимым, изменены имена, названия мест и некоторые детали, чтобы не допустить грубого отождествления героев повествований с реальными людьми. Автор сознательно избегает попыток приукрасить происходившее, дабы не исказить его истинный смысл. В некоторых рассказах два события совмещены в одно.

В книге не ставится цель подробного описания историй жизни, но по возможности показывается правда человеческой души и, самое главное, - великая истина Божия присутствия в рутине человеческой повседневности, особенно там, где невидно Бога...

Бог являет Себя иным, при встрече - странным², необычным, в Своем грядущем пришествии - новым. Цель этой книги - пробудить иную логику, «новую жизнь», «отчуждение» от мира и привести к зрению *большого* (Ин. 1, 50), к вере в непостижимое, к *извещению уповаемых* (Евр. 11, 1). Только так человек, испытавший боль от людей и обстоятельств, скорбящий о своей природе и отчаявшийся в рациональном мышлении,

может встретить свет и *стоять в вере и утверждаться* (1 Кор. 16, 13), *возмогать о Господе* (Еф. 6, 10), *радоваться в страданиях* (Кол. 1, 24), быть утешаемым Духом Святым.

Оквозе огонь и воду... в покой

(Пс. 65,12)

ИСЦЕЛЕНИЕ РАССЛАБЛЕННОГО В ВИФЕЗДЕ

Господи, человека не имам

(Ин. 5, 7)

Как ужасен мир, в котором мы живем! Повсюду боль, несправедливость, зло, грех, насилие, войны, несчастья. Отчего все это? И как красота природы, величие человека могут сосуществовать с этим? Почему добро чередуется со злом? Почему несчастье переплетается со счастьем? Почему интуитивное чувство реальности Божия присутствия постоянно борется с дерзкой мыслью, что Бога нет?

Мир не дает нам явного свидетельства о Боге. Можно сказать, что Бога, осязаемого чувственно или вычисляемого логически, мир отвергает. Стройные теории о Боге приводят к болезненным сомнениям. Динамика жизни без продолжения. Безграничная красота с эпилогом неизбежной смерти. Крепкий союз жажды вечного и бесконечное разочарование в настоящем. Трагедия мелочных выводов!

Но мир без Бога невыносим. Мысль о Его отсутствии глубоко разочаровывает, вызывая чувство пустоты, бессцельности жизни, делает непонятным наше предназначение, лишает смысла наше бытие, открывает путь к произволу и одновременно подавляет перспективу бесконечного будущего, чаяние вечной жизни. И наоборот, уверенность в присутствии Бога рождает надежду, дает свет, указывает путь. В Евангелии Бог представлен действующим. Он управляет историей. Евангелие просвещает и утешает: сколько раз в нем явлено присутствие Божие! Чудеса свидетельствуют о Его силе и любви. Читаешь Евангелие и восклицаешь: *С нами Бог! Разумейте языцы и покаряйтеся, яко с нами Бог* (Ис. 8. 9). Бог с нами. Это убеждение - источник нашей силы. Мы читаем Евангелие не для того, чтобы обрести веру, но, будучи людьми верующими, мы открываем его в надежде, что Господь нас просветит.

Но порой Евангелие приводит современного человека в недоумение. Вместо того чтобы укреплять - оно сеет смятение; вместо того чтобы созидать - разрушает; вместо того чтобы вносить ясность - создает путаницу. Евангелие открывает истины; услышав их, в первый момент восторгаешься, но стоит немного над ними поразмыслить, и они загоняют тебя в тупик.

Чудо исцеления расслабленного в Вифезде, описываемое в пятой главе Евангелия от Иоанна, поначалу впечатляет Божественной силой Христа. Действительно, одним лишь Своим словом Он упраздняет ожидаемое, но редкое чудо и подает облегчение, поражая неожиданным, доселе невиданным исцелением. Но только вдумаешься, и картина происходящего меняется в корне. Возникают вопросы, которые становятся мучительным испытанием для веры, бросают человеку с рациональным мышлением неумолимый вызов и возмущают его.

Господь избирает человека, тридцать восемь лет не встававшего с постели, и необычным образом исцеляет его. Евангелист Иоанн, с присущей ему краткостью, рассказывает об этом чудесном исцелении. И если результат чуда удовлетворяет веру, то подробности происходящего подрывают ее.

Как повествует евангелист, вокруг купели с водой находилось огромное количество страдающих людей: *множество болящих, слепых, хромых, сухих, чающих движения воды* (Ин. 5, 3). Каждый со своей болью, и все с надеждой, к которой примешивается чувство соперничества. Они ожидают, когда внезапно появившийся Ангел возмутит воду. Увидев

его, все эти люди, движимые огромной силой внутреннего желания, напрягая остатки своих физических сил, пытаются доползти до купели, поскольку *уже первее влазаше по возмущении воды, здрав бываше, яцем же недугом одержиши бываше* (Ин. 5, 4) - тот, кому удастся первым погрузиться в купель, исцеляется от любой болезни. Но только первый.

Среди них есть человек, парализованный вот уже тридцать восемь лет: *сега видево Исус лежаща* (Ин. 5, 6). Проходя мимо купели Вифезда, Господь увидел его, подошел и спросил: *Хощеши ли цел быти?* (Ин. 5, 6). Казалось бы, простой вопрос! Но больной не отвечает прямо: «Да, конечно, хочу», но говорит: *Господи, человека не имам, да, егда возмутится вода, ввержет мя в купель* (Ин. 5, 7)¹ - нет со мной человека, который, как

¹ В славянском тексте Евангелия есть краткая утвердительная форма ответа расслабленного: "Ей, Господи". В греческом оригинале Евангелия, ни в используемом Церковью, ни даже в критическом издании, такой формы не встречается. - *Примеч. пер.*

только возмутится вода, подтолкнул бы меня в купель, чтобы я оказался первым. Когда приближаюсь к воде, *ин прежде мене слазит* (Ин. 5,7)- другой уже сходит раньше меня. На это Господь лишь говорит ему: *Востани, возми одр твой и ходи* (Ин. 5, 8). И таким способом, простым и вместе с тем совершенно необычным, неожиданным по отношению к описываемой картине событий, Господь дарует ему здоровье, поднимает с одра мучений, избавляет от испытания. После тридцати восьми лет! По прошествии целой жизни, не предпринимая никаких других действий, одним лишь словом! Но это еще не все: Он дает расслабленному силы поднять свое ложе и идти с Богом.

Обычно мы задерживаем свое внимание на второй части этого евангельского сюжета. Нас впечатляет чудо. Мы исповедуем силу Божию, исцеляющую вместе с телом и душу. Если же остановиться на первой части этого повествования, то наши чувства будут совсем иными.

Ангел без предупреждения, *по временам* возмущает воду, и лишь *первый* (Ин. 5, 4) получает исцеление. На этом заканчивается чудо. Этим исчерпывается милость Божия. И начинают возникать мучительные вопросы, логические неувязки. Безмерное страдание и несправедливость. Неужели милость Божия ничтожна, неужели она только для одного, первого? Как объяснить это с помощью человеческой логики? Где же в этом эпизоде проявление любви Божией, Его правосудия, Его смирения? Как это событие может убедить нас в Его присутствии? Скорее оно свидетельствует об Его отсутствии.

Возможно ли поверить, что, желая показать Свое Божество и совершить исцеление, Господь выбирает этот способ? Почему все должно было происходить именно так? Представим себе: в нежданное время Ангел сходит в купель и возмущает воду. Совершенно неготовые к этому несчастные люди - слепые, хромые, больные, инвалиды - начинают ползти, да еще и соперничая друг с другом: кто же первый войдет в воду и получит исцеление? Почему же только на одного распространяется милость Божия? Разве ее не хватило бы для второго? И по каким критериям изливается эта милость? По физическим способностям и подготовке инвалидов, но почему не по добродетели? По успеху в соперничестве, а не по смирению и борьбе духовной? Почему на первого, а не на лучшего? Разве все это не свидетельствует о недостатке любви и отсутствии правосудия?

Кроме этого, Ангел Божий, возмутив воду и увидев своими глазами все происходящее, спокойно возвращается, полагая, что исполнил волю Божию? В конце концов, что важнее: радость единственного исцелившегося или трагедия множества неуспевших? И как тот исцелившийся, да к тому же если он был вознагражден за свою веру или добродетель, может радоваться своему исцелению? Ведь остальные его товарищи, вместе с ним страдавшие, не только не избавляются от болезни, но сталкиваются со странным благоволением Божиим, касающимся только его одного, и притом не лучшего, и не самого больного, но просто удачливого? Не вызов ли это? И возможно ли, чтобы все это происходило пред очами Божиими и по Его воле?

Когда исцеляется твой сосед, тебя преследует чувство, что ты потерял свой шанс, и возникает сильная зависть, которая ввергает человека в муку, приносящую невыносимые страдания. Почему Бог позволяет такое?

Расслабленный признается: *человека не имам* (Ин. 5, 7). Тридцать восемь лет он живет единственной надеждой - по возмущении воды первым войти в купель и исцелиться. Но как соотносить любовь Божию с таким долгим периодом его увечности? Почему он был калекой в молодости и стал здоровым в старости? Почему в течение тридцати восьми лет этот человек должен был ожидать исцеления, непрестанно терпя разочарование от бесчисленных неудач? Почему единственным утешением для этого несчастного было его сосуществование с другими подобными больными или понимание того, что не он один страдает и не ему одному всякий раз не удастся получить исцеление? Зачем Бог попускает столько горя и к тому же распределяет его так несправедливо и неравно? Почему в итоге, когда видно, что Он творит чудо и нет сомнения, что это подлинное чудо, все происходящее производит в целом впечатление отсутствия Бога? Мы видим проявление Его силы, но не Его любви.

Как этот Бог может одновременно существовать с тем Богом, Которого мы обнаруживаем в остальном евангельском повествовании?

Может быть, есть нечто такое, что не только нельзя увидеть сквозь призму логики, но что в условиях, когда мы опираемся на логику, это нечто обманывает и дезориентирует ее?

В Псалтири или в творениях Святых Отцов часто устами Давида и святых выражается то же самое чувство кажущегося отсутствия Бога. Давид говорит: *Вскуе, Господи, отстоя далеко* - почему Ты, Господи, стоишь вдали? - *прези-раеши во благовременишх, в скорбех?* (Пс. 9, 22) - почему Ты презираешь меня и не приходишь ко мне тогда, когда Ты должен быть рядом во время моих скорбей и нужд? Я чувствую себя забытым и оставленным. Зову Тебя, а Ты не приходишь, взываю к Тебе, а Ты не слышишь, с нетерпением жду Тебя, а Ты остаешься вдали. Нет Бога в моей жизни в тот момент, когда я ищу Его, когда я в Нем нуждаюсь. «Христос медлит»¹, - говорит святитель Григорий Богослов².

Разве не отсутствует Бог во время страдания мучеников? Разве не отсутствует Бог в мире, объятom волнениями, раздорами, войнами; в мире несправедливостей, болезней, греха и страстей? Разве не отсутствует Бог и в страданиях Самого Господа, в Его распятии, в Его погребении? Разве Сам Христос не сказал: *Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставил?* (Мф. 27, 46). Однако как Вездесущий и Присносущий может отсутствовать?

Неужели Бог действительно отсутствует? Или за этим скрывается нечто другое? Быть может, за таким логическим искушением кроется иная логика - тонкая, духовная, связывающая Его любовь и наше падение, Его силу и нашу немощь, Его Божество и слабость нашего разума, Его мудрость и нашу неспособность постичь Его тайну? Что означают слова: *Иудеем убо соблазн, Еллином же безумие, самим же званым Иудеем же и Еллином Христа Божию силу и Божию премудрость* (1 Кор. 1, 23-24). Быть может, смиренное принятие этого падшего мира скрывает не только мудрость, но и Божественную силу?

Несомненно, что Бог не может существовать одновременно со смертью, с которой мы сталкиваемся ежедневно; с распадом человеческой личности, который нам приходится наблюдать; с терзаниями человеческой логики, описанными выше. Его любовь не может этого допустить, Его чистота не может этого оправдать. Бог есть жизнь. Когда смерть

¹ В оригинале: дословно «почивает». - *Примеч. пер.*

² Послание 80, Евдоксию ритору // PG 37. Col. 153. На основании рукописной традиции исследователи указывают в качестве адресата данного письма Филагрия, а не Евдоксия. - *Примеч. пер.*

претендует на власть, Бог является Воскресением. Все поставленные выше вопросы оправданы, когда речь идет о мире, где господствуют смерть и падение. Главный вопрос в том, как Бог, сотворивший *вся добра зело* (Быт. 1, 31), допустил господство падения и

присутствие *миродержителя тьмы века сего* (Еф. 6, 12) в Своем мире? И, в конце концов, как объяснить смерть Господа и Его тридневное погребение?

На все эти вопросы проливает свет одно-единственное событие - Воскресение Христово.

В евангельских эпизодах, в которых говорится о присутствии Божиим, евангелисты не используют слово «пришел» в отношении Господа, будто Он где-то был и пришел, а предпочитают выражение: «Господь *являет* Себя» (ср.: Деян. 1, 3; 10, 40; 13, 31). Это означает, что вопрос не в том, присутствует ли Христос Бог, но в том, когда и как Он является нам, как мы можем Его видеть и как Его чувствует каждый из нас.

Представим, что мы находимся рядом с купелью и видим, как кто-то исцеляется. Посчитаем ли мы это событие явлением Божиим? Или же мы признаем его таковым, если исцеление коснется нас самих? Отчего чудо, происходящее с ближним, не представляется нам явлением Божиим? Что нужно, чтобы оно стало для нас таковым? Чудо должно произойти с нами? Почему мы признаем присутствие Божие только тогда, когда оно проявляется в желательных для нас обстоятельствах и приемлемым для нас образом? Определяющий критерий Божественного присутствия - удовлетворение нашего собственного желания, а не само событие? Что важнее - наше исцеление, то есть меньшее, или явление Бога нашим ближним, то есть большее? Может быть, наш эгоизм и есть причина искажения истины, глубочайшей сущности происходящих событий?

Бог не отсутствующий, Который приходит, но присутствующий, Который скрывается. Именно поэтому евангелисты и Святые Отцы предпочитают использовать глагол *является*, то есть выходит из Своего укрытия и появляется перед нами. Бог является тем людям, которые способны Его видеть. Для того чтобы узнать являющегося Бога, требуется соработничество Божественного и человеческого, необходимо, чтобы в момент Божественного посещения очи нашей души были абсолютно чисты.

Это евангельское чтение повествует не об одном лишь конкретном расслабленном. Понятно, что речь идет об определенном моменте в жизни того больного, но здесь содержится тонкий намек на то, что подобные моменты имеют место в жизни всех расслабленных мира, естественно, и в нашей с вами. Взаимоотношения человека и Бога - это поиск, можно сказать, погоня человека за Богом. Истинный Бог ради человеческой прихоти не станет обнаруживать Себя в мелочах. Он Тот, Кто скрывается в укромных уголках и таинственных поворотах жизненного пути.

Бог действительно существует. Нам остается исполнить две вещи: первое - проявить долготерпение и, второе, - очистить свои душевные очи. Рано или поздно придет и наш час, как когда-то пришел он для евангельского расслабленного. Может быть, это произойдет через тридцать восемь лет, а может быть, завтра или за пять минут до того, как навсегда закроются наши глаза в этом мире, но всем нам предстоит испытать это Божественное мгновение. Тогда наша многолетняя увечность закончится чудодейственным исцелением и станет для нас большим даром, чем здоровье, лишенное опыта Божественного присутствия.

Явление Бога в нашей жизни происходит тайнозрительно и духовно. Об этом свидетельствует опыт Церкви. Церковь никогда не утверждала того, что сама не пережила. Мир, в котором мы живем, - падший, сросшийся со смертью. Нам всем предстоит умереть если не сегодня, то завтра. И даже если сейчас Христос воскресит человека, как некогда Он воскресил праведного Лазаря, то спустя некоторое время этот человек все равно уйдет в мир иной - вследствие болезни, автокатастрофы или по какой-то другой причине. Каким-то образом мы все уйдем. Бог посещает нас не для того, чтобы мы ощущали здоровье и силу, не для того, чтобы наша жизнь в этом мире была бесконечной, но чтобы дать нам опыт спасения, жажду бессмертия, чаяние вечности. Бог является для того, чтобы мы почувствовали теплоту и сладость Его духовного присутствия в нашей жизни даже тогда, когда страдаем, когда пребываем в испытаниях, терпим несправедливость и, возможно, лишаемся непосредственного Божественного присутствия, как того требует наша логика и жаждет наша человеческая природа. Когда мы живем со Христом, когда Бог рядом с нами и

мы чувствуем себя в Его объятиях, что тогда для нас трудности и испытания?! Тот момент, когда Господь переживал на Кресте опыт абсолютной Богооставленности, был, прежде всего, моментом Божественного присутствия, ибо невозможно, чтобы Бог отсутствовал, когда совершалось Божественное Домостроительство! Так и в нашей жизни присутствие Божие наиболее полно именно в моменты испытаний и искушений, когда чувство оставленности переживается особенно остро. Невозможно, чтобы Бог отсутствовал, когда совершается наше спасение!

В конце концов, подлинный мир не тот, который мы представляем себе, но который существует реально. Мы должны этот подлинный мир распознать, и тогда прославим Бога не за возможность получить здоровье - ведь мы его когда-нибудь все равно потеряем; не за избавление от опасности в нашей жизни - ведь и ей когда-то придет конец, а за Его богатые дары, посылаемые нам: радость спасения, возможность стать гражданами и причастниками вечного Царствия Божия и зреть *лицом к лицу* (Быт. 32, 30; Исх. 33, 11; Чис. 14, 14; Втор. 5, 4; Втор. 34, 10; Сир. 45, 6) Бога и Спасителя нашего.

В описании чуда в Вифезде можно увидеть также иные подробности. Величие этого чуда заключается в том, что Бог совершает его не через Ангела, а Сам. Богочеловек Иисус Сам исцеляет расслабленного, Сам подходит к нему. Не нужно, напрягая внимание, следить за знаками схождения Ангела и возмущения воды, чтобы первым успеть к купели. Внимание проявляет Христос - *сего видево Иисус* (Ин. 5, 6) - Господь увидел расслабленного еще до того, как тот смог хорошо Его рассмотреть. Ведь когда после исцеления он вошел в храм и жестокосердые иудеи стали искушать его, он исповедал, что не знает, Кто этот Человек, исцеливший его - *не ведяше, Кто есть* (Ин. 5, 13). Евангелист говорит, что тогда появился Господь и, приблизившись, открылся ему. И он вернулся к иудеям и объявил, что *Иисус есть, иже мя сотвори цела* (Ин. 5, 15).

В этом чуде - еще один замечательный момент. Расслабленному не потребовался человек, который бы его подтолкнул, ему не пришлось и самому ползти. Господь исцеляет его одним лишь словом, одним лишь вопросом, ответ на который ясен. Господь спрашивает его, хочет ли он исцелиться. И больной - что за странность! - не говорит Ему «хочу», но, совершая ряд ошибок, отвечает: *Господи, человека не имам* (Ин. 5, 7). То есть он хотел освободиться от недуга, уже разочаровавшись в Ангеле и, возможно, потеряв всякую надежду на исцеление от Бога. У него оставалась единственная надежда - найти человека, который мог бы опустить его в купель: *да, егда возмутится вода, ввержет мя в купель* (Ин. 5, 7). Первая его ошибка заключалась в следующем: он не ответил на вопрос прямо: «Да, хочу, Господи», как того желал, но перешел к объяснениям. Вторая ошибка - имея желание исцелиться, он чаял чуда, не чая Бога. Третья ошибка крылась в его самолюбии. *Егда же прихожу аз, ин прежде мене слазит* (Ин. 5, 7) - когда же я прихожу, к сожалению, другой опережает меня и исцеляется. Возможно, это самолюбие можно оправдать - здесь оно естественно, но самолюбие остается самолюбием и не свидетельствует о высоких качествах души. Я хочу, чтоб исцеление было даровано мне, меня интересует лишь то, что касается меня, но, к сожалению, другие опережают меня и исцеление получают они, а не я. Можно было ожидать, что Господь каким-то образом укорит расслабленного, но этого не происходит. Господь не только не пытается вразумить его, но даже не делает ни одного замечания. Просто призывает встать, взять постель свою и ходить. Господь исцеляет, не оставив ни следа, по которому можно было бы догадаться о том, Кто Он. Не тревожит Своим громким именем. Не будоражит его Своим словом и поучением. Не смущает побуждением к изменению жизни.

Господь исцеляет не только тело, но и душу. Встретив через некоторое время исцеленного от телесного недуга в храме, Христос говорит ему: *ктому не согрешай* - не греша больше - *да не горше ти что будет* (Ин. 5, 14) - чтобы не случилось с тобой чего худшего, давая понять, что источником болезни и личной драмы было его пребывание во грехе. Господь не спешит совершить все одновременно и в одном и том же месте, но

сначала исцеляет тело, а затем душу. Первое исцеление происходит на месте страдания расслабленного, а второе - в храме, месте богослужения.

Это евангельское чтение - не просто напоминание о чуде, но повод для пробуждения всех нас. Мы все расслабленные, духовно слепые, увечные, хромы, сухие, с немощными ногами, с ущербными руками. Мы как бы собраны вокруг купели - купели слез. Обмануты нашим рациональным мышлением, потеряли всякую надежду в этой жизни. И Церковь старается изменить вектор направленности наших сердец и вместо капель Божественной милости, вмещаемых ветхозаветным мышлением, предлагает нам океан любви Богочеловека.

КОГДА ОПРОВЕРГАЕТСЯ ДИАГНОЗ

Благодать Божия идеже хоцет, дышет

(Ин. 3, 8)

Молодая пара, люди, глубоко верующие, искренне преданные Богу, на своем жизненном пути встречают отца Порфирия, известного старца нашего времени, и он буквально заключает их жизнь в свои объятия. Он становится для этой пары заступником в любой опасности, а его молитва смягчает всякое испытание. Спокойно, радостно, беззаботно текут их дни... Бог дарует им пятерых детей: двух девочек и трех мальчиков. Старшую зовут Ева. Она талантлива и умна - рассуждает совсем как взрослая. В чертах ее лица видна зрелость не по годам. Манеры исполнены изящества и грации. Она всеобщая любимица. Ей исполнилось двенадцать лет. Небесное существо, настоящий ангел. *Любящим Бога вся поспешествуют во благое* (Рим. 8, 28) -таковы сокровенные мысли ее родителей, и они непроизвольно прославляют Бога.

Но однажды в центре города рядом с офисом отца Ева беззаботно переходила улицу, и потерявшая управление машина вмиг перевернула невозмутимый дотоле покой семьи. Девочка попала в больницу, а оттуда - в мир «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная». В считанные мгновения, так, что никто даже не успел толком понять, что произошло и почему, Ева оказывается в Царствии Божием. Внезапное страдание погружает безутешных родителей в адские муки. Бог словно покидает их. Когда все благополучно, тогда Бог хороший, но если неожиданно и неумолимо перевернулась вся жизнь, то это доказательство не просто Богооставленности, но отсутствия Бога. Отец Порфирий сострадает их горю, однако настаивает на необъятной любви Божией, которую он сам выражает с такой добротой и верой, что исчезает всякое сомнение видеть в случившемся проявление милости Божией.

Жизнь устремляется горе. Если раньше можно было вдохновляться близостью земного ангела, осязая его своими чувствами, то теперь лишь остается искать его следы с помощью пошатнувшейся веры и выстраданной молитвы.

Время течет... Подрастают другие дети, их успехи и таланты наполняют жизнь матери счастьем, смешанным с болью, а жизнь отца - смиренным принятием воли Божией. Их опора - вторая дочка - Деспина. Девочка очень отличается от Евы. Озорная, полная жизни, постоянно в движении, всегда улыбается, излучает радость, надежду, счастье, блистание беззаботной невинности. Глядя на нее, испытываешь чувство, что перед тобой образ наследников земли (ср.: Мф. 5, 5), отражение жителей Царствия Божия. О таких созданиях осмеливаешься думать, что они не имеют никакого отношения ни к греху, ни к болезни, ни даже к смерти. При встрече с ними забываешь все плохое, темное, любую опасность и обретаешь душевное равновесие, внутреннее спокойствие. Все это так, если только ты не мать, из объятий которой, не успевшей понять, как это произошло, выскользнула Ева; у которой потерялся за горизонтом ангел, и она не может до сих пор этого осознать; которая когда-то «неправильно» верила, и поэтому теперь должна «правильно» сомневаться. Тогда даже в счастье будешь видеть угрозу неумолимого перехода в другой мир и помнить строгий византийский лик Бога, чуждого праздному мирскому смеху, внимательный взор Которого обращен ко всему миру и к каждому человеку в отдельности.

Как-то весенним днем они всей семьей поехали в небольшой монастырь, расположенный близ границы в Эпире. Друг семьи принимал там монашеский постриг. Простой и сердечный человек, приятель их детей, он также немного шалун. Несмотря на суровость его монашеского облика, на резкую перемену его внешнего вида, на ответственность от искренне данных им великих монашеских обетов, он походил на большого веселого ребенка. Играл с детьми, которые были бесконечно счастливы встречей с ним, а Деспина - вне себя от восторга. Все шло великолепно, прекрасно, кажется, ничто не могло омрачить эту радость.

И все-таки могло. Через четыре дня после того монашеского пострига у меня в Афинах раздался телефонный звонок. Это был наш общий знакомый - зубной врач, который сообщил мне невероятную новость.

- Отче, держись, ты не поверишь тому, что я тебе скажу.

- Что случилось?

- У Деспины несколько дней болел коренной зуб. Мы договорились обследовать ее после возвращения из Эпира. Я сделал рентгеновский снимок и почти уверен, что у нее остеосаркома нижней челюсти. Не могу в это поверить. Я делаю все, чтобы опровергнуть первичный диагноз, но он лишь подтверждается.

Я знал, что это значит: удаление нижней челюсти, замена ее ребром или костью таза, ужасные процедуры, удручающее качество жизни, причем лишь десяти процентам пациентов удастся прожить после этого пять лет. Лучше умереть, чем так жить!

Очень не хотелось мириться с мыслью о таком развитии событий. Бог, в Которого я верил, не мог допустить такого, и потому я робко спросил:

- Может, ты ошибся? Может, надо сделать повторное обследование? Разве остеосаркома вызывает обычную зубную боль?

- К сожалению, остеосаркома нижней челюсти легко диагностируется, но имеет очень плохой прогноз. Я позвонил тебе узнать: можешь ты как-нибудь помочь, чтобы они немедленно отправились в Америку? Нельзя терять ни минуты.

Прошло совсем немного времени с тех пор, когда я, находясь в Америке, был свидетелем подобного случая. Ребенка привезли на операцию из Греции, и я помогал с переводом. Всякий раз, когда мне надо было встречаться с этим светловолосым семилетним мальчонкой, сердце мое сжималось от ужасного зрелища. Тысячи вопросов бились в моей голове, сотни чувств перемешивались в сердце, я переживал такое смятение и внутреннее напряжение, какое в своей жизни никогда прежде не испытывал. Долгие месяцы жизни (если это можно назвать жизнью) мальчик провел в мучениях. Его вид, словно ножом, ранил несчастных родителей, и было ясно, что даже лучшая в мире медицина не в силах ему помочь. Бедный ребенок не смог справиться с болезнью.

И вот теперь это должно повториться. Заручившись надеждой, родители Деспины отправятся в Америку, в лучший медицинский центр, где работают, возможно, лучшие в мире врачи, а вернуться в Грецию с неопределенностью... Они поедут с больным ребенком, на вид, однако, совершенно здоровым, а вернуться с чем-то, на что невозможно смотреть и что невозможно вытерпеть. И это в лучшем случае...

Отец, героический человек, знал всю правду. Мать - лишь отчасти. Они поспешили к отцу Порфирию за благословением. Батюшка был взволнован и обеспокоен. Единственным окошечком, в которое, по его мнению, мог просочиться свет надежды, была поездка в Америку. Он посоветовал поспешить в путь.

Через неделю родители вместе с ребенком отправились в Америку, в штат Огайо. Какое ужасное путешествие! Тревога смешивалась с ожиданием, отчаяние - с надеждой. Страх от мысли, что могут оказаться бесполезными все усилия, вызывал душевную боль, по силе превосходившую телесную. Единственное утешение в пути - молитва отца Порфирия и слабый лучик его надежды, которая придавала им сил.

Все происходило очень быстро. Через три дня после их прибытия была назначена операция. Заново сделано обследование, подтвержден диагноз, и врачи назвали вещи своими именами. Так в тех краях предписывает закон и диктует менталитет.

День операции. В Греции - 16 часов 10 минут. У меня раздался телефонный звонок. На другом конце провода - мама девочки.

- Отче, как ты? Я больше не могу. Деспиночку недавно увезли на операцию. Сказали, что она продлится около семи часов. Я просто схожу с ума. Вчера меня учили, как надо будет ее кормить. Мне дали маленькую сумочку с инструментами, ведь после операции ей придется открывать рот с помощью механических приспособлений. Чтобы я как-то привыкала, мне показали малыша, которому на прошлой неделе была сделана такая же операция, и я чуть не потеряла сознание, увидев его. Отче, я не могу больше, не

выдерживаю. Помолись. Звоню отцу Порфирию, но он не отвечает. Надеюсь, что он за нас молится.

Я затаил дыхание. Ну что я мог ответить? Конечно, я что-то сказал, не помню сейчас что. Какие-то дежурные в подобных случаях слова, которые правильно встают одно за другим, но в совокупности - абсолютно формальны и мертвы, в которых нет даже намек на силу и жизнь.

Разговор закончился. В Америке, в Огайо, сейчас утро, 8 часов 15 минут. Меня попросили помолиться. Но буду это делать? Ведь у меня самого нет надежды, я не верю, и уже молится отец Порфирий. И что мне сказать Богу? Разве Он не знает нашей нужды, не видит нашего горя? И если до сих пор Его любовь не склонилась к нам, почему Он обратит на нас Свою милость сейчас? И зачем мне попрошайничать, если я не верю? Мне стыдно.

Я все-таки немного помолился. Взял четки и попросил Бога помиловать нас всех. Возможно, это было проще всего, поскольку не вызывало путаницы в мыслях. Но если бы я был Богом и видел столь жалкого и духовно бедного священника за такой молитвой, мне было бы жаль и его, и Свою Церковь, в рядах которой есть такие ничтожные священнослужители.

Я не замечал, как проходит время. В 17 часов 20 минут вновь позвонила мама девочки из Америки.

- Отче, скоро ее вывезут из операционной. У нее не было ничего серьезного - ей просто удалили зуб. Мне сказали, что ничего страшного -это юношеский остеомиелит. Что это означает? Ты знаешь? Я не знаю. Надеюсь, мне говорят правду. Если можешь, попробуй позвонить отцу Порфирию, мы не можем ему дозвониться. Он точно все знает.

На словах я выразил ей свою радость, но в душе у меня осталось громадное сомнение. Я положил трубку с мыслью о том, что это совершенно невозможно, этого просто не может быть.

Тут же я позвонил своему другу, зубному врачу, и рассказал ему о происшедшем. Вкратце переговорив, мы высказали свои соображения и недоверие, а стоматолог поделился своими профессиональными знаниями по этому вопросу. Мы пришли к следующему выводу: диагноз остеомиелита настолько очевиден, к тому же он поставлен и здесь, и в Америке, его отличие от юношеского остеомиелита столь велико и явно, что, вероятно, врачи, увидев, как далеко зашла болезнь, решили не прибегать к сложной операции. Психическое состояние матери было таким тяжелым, что она могла не выдержать правды, и поэтому кто-то рассказал ей эту красивую сказку. К сожалению, видимо, дело обстоит еще хуже, чем мы ожидали!

Мы договорились, что мой друг позвонит отцу Порфирию - может, он уже разговаривал с отцом Деспины, который точно должен знать действительное положение.

Врач позвонил. Отец Порфирий поднял трубку и сказал:

- *Пройдохом сквозе огнь и воду, и извел еси ны в покой* (Пс. 65, 12). Ничего серьезного не было. Ей удалили один зуб, и на этом закончились и ее, и наши мучения. Сейчас время славословия. Ничего другого. Если будешь говорить с ее родителями, скажи, чтобы они не спешили возвращаться назад, пусть задержатся хотя бы на неделю посмотреть Америку.

Вместо страшной опухоли - обычная киста. Вместо удаления всей челюсти - просто вырвали зуб. Вместо мрачной тризны смерти все мы наслаждались неповторимым пиршеством чуда. Чуда, совершенного Богом по молитвам отца Порфирия.

После окончания лица Деспина вышла замуж. Сейчас она многодетная мать. У нее доброе открытое сердце, она жизнерадостна и полна веры. Жизнь Деспины - сплошное чудо. У нее есть всё. Единственное, чего ей не хватает - это одного зуба...

Благодать Божия идеже хоцет, дышет (Ин. 3, 8).

ВЕЛИКОЕ ЧУДО, КОТОРОЕ МЫ НЕ ВЫДЕРЖИВАЕМ

«Бог идеже хочет, побеждается естества чин»

(Стихира празднику Благовещения)

Апрель 1985-го. Вот уже почти как пять месяцев десятилетнюю Ольгу подвергают облучениям с целью уменьшить неоперабельную опухоль в голове, вызывающую у нее невыносимые головные боли и сильные головокружения.

Ее родители простые афиняне. Греческие врачи изначально сказали им о тяжелой степени заболевания. Последняя надежда, главным образом, на Бога и немного на Америку. Один их родственник из Бостона от всего сердца пригласил их. Он сказал, что там лучшая в мире детская больница. После необходимых сборов они отправились к месту своей последней надежды.

Их история полна душевных мучений и напряжения. Как Бог позволяет такую несправедливость! Родители - простые люди, не имеющие особых знаний и опыта веры. Семь лет у них не было детей. И вот, когда их надежда уже угасала, Бог даровал им девочку. Прославляя Господа за этот дар, они всю свою жизнь посвятили ребенку. Девочке исполнилось десять лет, она - их единственное сокровище. И вдруг у нее появились странные симптомы: сильные головные боли, постоянное недомогание. В результате обследования был поставлен диагноз, при известии о котором у любого человека начинают подкашиваться ноги, разламываться голова, разрываться на кусочки душа и сердце.

Так в этой трагедии они бросили свои дела и приехали в Америку, не имея понятия, когда, как и все ли они вернутся обратно. Но им сопутствует простая, искренняя и сильная вера. Полтора года назад им в руки попали кассеты с проповедями, в корне изменившими их жизнь, наполнив ее верой. Верой, которая изливается изнутри. И каков же был ответ Божий? В то время, когда они еще не ходили в храм, родилась Ольга, но лишь повернулись к Церкви - рак! Почему Бог так поступает? Почему Он обнаруживается так, как никто из нас не желает? Может быть, мы верим в Бога, Которого нет, и ничего не знаем об истинном Боге, Которого нам предстоит найти таковым, каков Он есть на самом деле, а не таким, каким мы хотим Его видеть?

Лечение Ольги было возложено на группу доктора Джона Шилито, возможно, лучшего нейроонколога детской больницы в Бостоне. Врачи, окружив девочку большой любовью, сделали для нее все, что могли, будто она была их единственной пациенткой. Казалось, что все идет хорошо, пока она внезапно не впала в кому. Исследование показало, что опухоль распространилась на большую часть головного мозга. Таяли последние надежды, предстояло оповестить родителей о состоянии их дочери. Они должны решить: ждать смерти ребенка в Бостоне или забрать девочку в этом состоянии домой, в Грецию. Конечно, на последнее, согласно международным авиационным соглашениям, требуется наличие медицинского заключения из больницы о том, что больной не умрет во время полета.

Эти события происходили 28 апреля 1985 года, в Неделю святых жен-мироносиц. Родители пока ничего не знали, но были обеспокоены и подозревали худшее. В 6 часов вечера доктор Шилито должен полностью прояснить ситуацию. Никто из греков-добровольцев в больнице не соглашался переводить беседу врача с родителями. Ведь это так тяжело, когда родители узнают от тебя, что надежды больше нет и их ребенок умирает! Жребий пал на меня. Я слышал об этом случае, но не был знаком ни с ребенком, ни с его родителями. У меня не оставалось выхода, и я согласился вместе с ними понести эту воистину неподъемную ношу!

Весь в напряжении, охваченный чувством бессилия и тревоги, поднимался я в лифте на восьмой этаж, где лежали дети с раковыми заболеваниями. Вышел в коридор и от растерянности попал в палату с тремя младенцами в люльках, обвитыми трубочками, которым делали химиотерапию. Другие малыши, с голыми головками, смотрели мультики

по телевизору и смеялись. Рядом, глубоко утопая в кресле, сидела девочка лет тринадцати-четырнадцати. Она была погружена в раздумья, и ее мысль терялась в мире неизвестности. Ее выразительные глаза с глубоким измученным взором встретились с моими. Почему эти дети страдают? Почему вместо того, чтобы испытывать сладость мечтаний о будущем, они должны вкушать горечь больницы и скорбь сомнений? Зачем, Боже мой? Лишь несколько минут назад по дороге в больницу я видел в парке маленьких детей, которые беспечно играли, а гордые своими малышами родители весело смеялись. Какая громадная, несправедливая и необъяснимая разница!

Увидел троих, двух мужчин и женщину, разговаривающих по-гречески. Без сомнения, это родители Ольги и дядя. Подошел к ним и представился. Они поблагодарили меня, и, прежде чем мы успели обмолвиться словом, нас позвали в кабинет доктора Шилито. На его рабочем столе три фотографии румяных девушек. Это его дочери. Он гордится ими. Это естественно. А рядом, в палате, Ольга с обезображенным лицом борется со смертью, и ее родители изнемогают.

Врач, после небольшого введения, переходит к главной теме.

- Насколько вам известно, у Ольги неоперабельная опухоль в третьем желудочке мозга. Мы попытались ее уменьшить путем облучения. Ольга хорошо поддавалась лечению, так что у нас появилась надежда. Но, к сожалению, - в этот момент оба родителя вытянулись от напряжения, - позавчера она впала в глубокую кому, из которой, как свидетельствуют результаты анализов, она уже не выйдет.

Отец разразился рыданиями, мать сдержалась.

- Доктор, скажите нам яснее.
- Думаю, что Ольга не продержится долго, в любой момент надо ждать смерти.
- Что вы имеете в виду, говоря, в любой момент, доктор? - осмелился спросить я.
- Имею в виду, сейчас, пока мы говорим, через несколько часов, возможно, в течение ночи. Думаю, что, по всей видимости, она не переживет ночи. Теоретически я могу оттянуть этот момент до завтра.

- То есть, доктор, сейчас нам остается надеяться только на чудо? - спросила мать.

- Да, только на чудо, - подтвердил врач. Отец плакал, но уже более сдержанно.

- Доктор, мы хотели бы поблагодарить за все сделанное вами на протяжении этого времени для нашей Оленьки, - продолжила мать. - Возможно, по-человечески мы проигрываем борьбу, но готовимся к чуду. То есть или наша дочка выздоровеет, несмотря на ваши прогнозы, или же станет Ангелом у Престола Божия. Разве это маленькое чудо? Знаете, какая она славная девочка?! Конечно, мы по нашему маловерию изо всех сил молимся, чтобы случилось первое. Но если Бог допустит второе, мы примем это как дар. Просто сейчас мы должны обратиться к Богу. Наша ошибка в том, что мы должны были сделать это раньше. Видите ли, мы больше верили врачам, чем Господу.

- Именно, вам сейчас может помочь лишь ваша вера, - ответил врач.

- Нет, доктор, помогает не вера. Она человеческая, наша. Помогает только Сам Бог.

Я был лишь переводчиком, но, с другой стороны, ошеломленным слушателем. Какую силу, какую веру имела эта женщина! В ее словах не было ни психологизма, ни проповедничества, они произносились искренне и непринужденно, с характерной краткостью и хладнокровием, ясно и убедительно выражая внутренний мир. Она была исполнена достоинства, спокойствия, благородства, подлинности, самообладания. О том же свидетельствовали и ее глаза, выражавшие надежду. За все это время она не уронила ни единой слезы.

Мы вышли из кабинета, и я сел вместе с ними, чтобы познакомиться поближе. В такие часы между людьми завязываются крепкие отношения. Но в этом случае передо мной было нечто великое. Эта женщина очень проста, но вместе с тем душевно богата. Слова ее имели силу убеждать: таким бывает слово, исходящее из сердца. Как ничем другим я был поражен ее внутренней силой.

Они с большим теплом поблагодарили меня, и мы расстались. Я должен был уйти по делам, намереваясь опять быть в больнице после 10 вечера в надежде застать Ольгу живой. В течение дня я постоянно звонил в справочную, чтобы узнать о состоянии ее здоровья.

Вечер, 10.30. Ольга еще держалась. Господин Костас и госпожа Мария, удивительные родители, сохраняя спокойствие, готовились ко всему, но надеялись и молились о малом чуде, как они его называли. Разве Бог, давший ей жизнь - это было большим чудом - не может удержать ее в жизни? Просто проблема, по их словам, заключалась в их грехах!

В 11 вечера доставили раскладушки с подушками и простынями для дежуривших у больных.

Это изумительная больница. Ее социальные службы заботятся обо всем. По распоряжку этой больницы родители, если хотят, могут оставаться на ночь со своими детьми. Однако родители Ольги не могли спать. Они предпочли бодрствовать. К тому же врач сказал, что Ольга не переживет ночи. Их вера неопишима: они говорили о чудесах как о чем-то простом и естественном, о вечности - как о чем-то повседневном. Воля Божия, какая бы она ни была, составляла для них величайший дар. Просто в первом случае они переживали бы необыкновенную радость, а во втором - борьбу с правдой по жизни. Второе, которое было и более сложным, представлялось им истинным, а первое - наиболее желанным.

Я оставался с ними до 1.30 ночи и не мог насытиться общением. В своей жизни мне доводилось встречать истинно верующих людей. Но такую веру (не после смерти близкого, когда она психологически может действовать и утешительно, а в минуты перед ожидаемым последним вздохом единственного драгоценного ребенка!), признаю, встречал впервые. Рядом Ольга, совершенно без движения, в глубокой коме. Возможно, в другом, незнакомом нам, своем мире. Во взглядах, время от времени тайком бросаемых на ее недвижимое тельце, смешивается горькое недоумение с надеждой, рационально никак необоснованной.

Ольга пережила ночь. Сроки, поставленные врачом, были опровергнуты. Кто знает, не будет ли опровергнуто и его заключение? Порой так приятно, когда опровергается медицинский прогноз!

Утром я позвонил знакомым женщинам и поделился с ними своими удивительными впечатлениями, а также посоветовал им сходить в больницу, с одной стороны, чтобы поддержать родителей Ольги, а с другой - для их же собственной пользы.

Ольга продержалась и понедельник. Вечером, возвращаясь с работы, я зашел в больницу. Родители решили забрать ребенка умирать в Грецию. В понедельник были подготовлены все необходимые документы. Вылет должен был состояться в среду, 1 мая 1985 года, если Ольга еще будет жива. Я просидел в тот день допоздна, ожидая перелета Ольги либо самолетом в Грецию, либо с Ангелами на небесную родину. Это были напряженные мгновения, полные истины, бок о бок с людьми, обладавшими безграничной верой. Я согревался благодатью, жившей в этих людях.

Вторник 30 апреля, утро. Телефонный звонок. Одна из тех женщин, с которыми я беседовал вчера, только что говорила со своим духовником, отцом Порфирием. Он славился своей прозорливостью. Его знал весь мир. Духовный человек. Ему открыты те сферы, куда не может проникнуть обыкновенное человеческое зрение. Отец Порфирий сказал ей, что будет молиться, но попросил не оставлять его одного в этом. И Бог поможет в решении проблемы. Легко было сделать вывод о том, что есть надежда.

- Очень прошу тебя, - сказал я ей, - не торопись ничего говорить. Ведь ты знаешь ситуацию. Я видел снимок компьютерного томографа. Девочка умирает. Меня удивляет, как она еще жива. Лучше сказать немного, и пусть совершится многое, чем дать надежду, которая не оправдается.

Ольга выдержала и вторник. Около 10 вечера я пришел по обыкновению навестить и получить урок веры. Зашел в палату и столкнулся с необычным для американской больницы зрелищем. Ольга в своей кровати, в знакомом нам состоянии блаженства. Господин Костас немного поодаль от нее. Госпожа Мария, мать Ольги, и госпожа Василия, замечательная американская гречанка-волонтер, настоящая мать для всех этих больных

детей, стояли рядышком и читали неизвестный мне молебный канон. Они поставили лампадку, воскурили ладан, положили икону Божией Матери на ребенка и молились. Я остановился прямо у двери. Ко мне подошла медсестра Дебби.

- Что они делают? - спросила она меня. - Что это такое, что дымит и пахнет? Они принадлежат к какой-нибудь секте?

- Восточное Православное христианство, - отвечаю ей категорично, может, она хоть что-нибудь поймет о восточной культуре.

Она вышла из палаты, и мы остались одни. Я знал много молитв, но эти слышал впервые. Примерно через четверть часа закончилось чтение. У женщин было немного масла от икон Матери Божией Тиноской и Каналийской - о последней я слышал впервые. Они помазали крестообразно лоб, грудь, правую и левую руки ребенка. Девочка - без движения. Как только помазали левую ногу, Ольга согнула ее, опустила и затем ритмично повторила то же самое движение.

Женщины слезно взмолились:

- Мать Божия, сотвори чудо!

Они крестились и целовали в лоб Ольгу, которая пребывала в состоянии полного покоя. Через некоторое время к ней подошла мать и спросила:

- Оленька, ты нас слышишь?

Ольга еле заметным движением показала, что слышит.

- Девочка моя, открой глазки.

Девочка напрягла глаза, но... безрезультатно.

- Поцелуй госпожу Василию. Губы девочки начали двигаться.

Я подумал, что у нее последнее просветление. Спросил у Дебби, готовы ли у нее все бумаги для следующей сестры - дежурство заканчивается в 11 вечера - поскольку по всему видно, что через несколько минут ребенок упокоится.

Время шло. Ольга вернулась в свое прежнее состояние. Полное молчание и неподвижность, совершенное отсутствие рефлексов и контакта с миром. Никто не осмеливался тревожить ее. Уже далеко за полночь. Госпожа Мария не выдержала, наклонилась поцеловать свою девочку в лоб. Казалось, что та как-то ответила, но, вероятно, это наше разыгравшееся воображение. Женщины были уверены: что-то изменилось. Господин Костас взволнованно и с недоумением следил за ситуацией. Я держался рациональной позиции, вряд ли меня что-то переубедит: в лучшем случае можно говорить о кратком улучшении состояния. Ведь, в сущности, ребенок уже мертв. У меня не было ни малейшей надежды. Госпожа

Василия сказала, что у меня нет веры. Кто знает? Может, она и права...

По прогнозу врача Ольга должна была скончаться в ночь с воскресенья на понедельник. Сейчас среда, и девочка постепенно, хотя и очень несмело, показывает признаки жизни. Эта ситуация поделила нас на верующих, надеющихся на жизнь, и на скептиков, ожидающих смерти. Я жил в холодной атмосфере вторых и с присущей мне логикой попрощался с семьей, отправлявшейся в Грецию...

Специальная медицинская машина перевезла ребенка в Нью-Йорк. В сопровождении медбрата девочка была доставлена на кровать в Грецию.

В пятницу мы позвонили по телефону, который нам дали, чтобы узнать новости. Сказали, что Ольге становится лучше, но она еще в том же летаргическом состоянии. Просто есть некоторые признаки контакта с ней. В субботу будут делать обследование. Мы договорились созвониться во вторник, через десять дней после окончательного заключения о грядущей смерти. Бесчисленное число раз мы пытались дозвониться до них. Никакого ответа. Оставалось предположить, что Ольга скончалась, и родители уехали в деревню, чтобы похоронить ее. Через две недели мы нашли священника и попросили отслужить заупокойную литию.

Понедельник, 8 июля. Я только что прилетел в Афины из Лондона. Решил попробовать сделать несколько звонков. Позвонил и госпоже Марии с господином Костасом. Может, они вернулись.

- Да, кто это? - услышал тонкий детский голосок на другом конце провода.
- Это ты кто? - спросил я в замешательстве.
- Я Оленька, - ответил детский голосок.
- Оленька? Какая Оленька? - растерялся я. Она назвала мне свое полное имя и весьма удачно с большой сообразительностью высказала предположение о том, кто я такой.
- Матушка Божия совершила чудо, - сказала она мне и позвала меня к себе домой, чтобы я поспрашивал ее по географии, арифметике и т. д.

Меня пригласила та, по которой я поспешно отслужил литию. О упокоении ее души... Я попросил к телефону маму.

- *Кто Бог великий, яко Бог наш?* (Пс. 76, 14), -от всего сердца сказала мне госпожа Мария.

Я положил трубку и отправился прямо к ним. Дверь мне открыла полная радости девочка. У нее начали отрастать волосики. Она была гиперподвижна, но выразительна и полна жизни. Я поспрашивал ее по урокам, как она просила. Девочка с радостью отвечала. Мне казалось, что я играю с ней. А также я чувствовал, что меня подвел мой рационализм. Я не верил тому, что видел. Ведь ранее я верил в то, что не видел. Жизнь Ольги до сих пор - сильнейший удар по моему маловерию.

Ольга, теперь уже взрослая девушка, опровергла прогнозы лучших медиков мира, подорвала логику и опыт, статистику и чувства, подтвердила то, что «Бог и деже хоцет, побеждается естества чин», а также то, что и в наши дни действительно *жив Господь Вседержитель* (Пс. 17, 47).

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ, НЕ ИМЕЮЩАЯ ЦЕННОСТИ?

Бог избрал немудрое мира

(1 Кор. 1, 27)¹

Доктор Хендрин и Хрисоваландис

В течение долгого времени я слышу много интересного о докторе Хендрине. Это знаменитый и несколько таинственный уролог. Он обладает удивительными способностями делать операции маленьким деткам с врожденными пороками мочевой системы. Доктор гениально избавляет от таких патологий, как экстрофия мочевого пузыря, гипоспадия, эписпадия и др. К нему трудно подойти, он кажется совершенно неприступным. Но все говорят, что он творит чудеса. Доктор Хендрин необыкновенно вынослив. Так, в прошлый вторник он летал во Франкфурт, чтобы сделать операцию, которую во всем мире только он один берется делать, в пятницу возвратился в Бостон, а сегодня, в воскресенье, днем улетает в Гонконг, откуда вернется в среду.

В четверг мы записаны к нему на прием. После многих встреч он согласился обследовать Хрисоваландиса, малыша двух с половиной лет с острова Крит. Бедняжка родился с рядом анатомических патологий мочевой системы. Его родители, простые люди, не знали, что делать. Были на приеме у врачей в Ираклионе, те отправили их в Афины. Все заключения удручающи. Когда врачи не отвечают прямо и заводят разговор о Боге, когда советуют запастись терпением, тогда понимаешь, что дело плохо. Приближался второй день рождения Хрисоваландиса, а надежды не было никакой.

Однажды его мама, госпожа Андроника, в супермаркете услышала разговор двух женщин.

¹ Существительное образовано от прилагательного (глупый, несмышленый, немудрый), имеет также значение «ребенок, младенец». Автор использует здесь слова апостола для того, чтобы показать, что немудрых детей избрал Господь. - *Примеч. пер.*

- Это поразительный случай. У моей двоюродной сестры родилась девочка без мочевого пузыря. Она выросла с трубочками, постоянно страдая от заражений мочевой системы. Малышка переживала настоящие мучения. Наконец эти люди нашли возможность поехать в Бостон. Там есть врач, творящий чудеса, он делает мочевые пузыри из толстой кишки. Они нашли его, и он их принял. Операция продолжалась шестнадцать часов. Сейчас прошла неделя, и девочка здорова. Он сказал им, что когда она вырастет, то сможет стать мамой.

Госпожа Андроника рассказала этим женщинам о своей проблеме, получила необходимую информацию, и через две недели приехала с Хрисоваландисом в Америку.

Начинались осмотры, один за другим. Врач ничего не говорил. Только спрашивал, обследовал ребенка и думал. Не разочаровывал, но и надежды не давал. Он должен был решить: стоит ли пытаться что-либо делать. У каждого ребенка отдельный случай. Говорят, что врач берется только за те, в которых чувствует, что может чем-то помочь. Доктор назначил свой пресловутый прием на четверг, где собирался озвучить решение. Ко мне обратились из больницы с просьбой сопроводить мать, чтобы помочь с переводом.

Я познакомился с ней заранее. Это была простая симпатичная молодая женщина с явно выраженной тревогой и усталостью на лице. В Греции остался муж с новорожденным ребенком, а она приехала в Америку, без уверенности, без денег, без знания английского языка, не имея знакомств, единственными ее спутниками были любовь к ребенку и надежда.

Мать говорила о враче и больнице, но порой упоминала Божию Матерь и святую Ирину Хрисоваландскую¹. Была видна простая народная вера, крепкая и добротная. То, что нужно в нашем случае.

Настал четверг. Мы поднялись на лифте на пятый этаж больницы. Там кабинет знаменитого врача. Госпожа Андроника, пребывая в неведении - возьмется доктор за операцию или скажет, что не может, - в волнении крестилась, возможно, не отдавая себе отчета зачем.

Подождали к кабинету. Нас встретила секретарь, улыбающаяся, но в сущности безразличная.

¹ Преподобная Ирина Хрисоваландская (IX в.) - святая, особо почитаемая в Греции, подвизалась в Хрисоваландском монастыре, близ Константинополя. Своими добродетелями снискала любовь сестер, которые и избрали ее своей игуменьей. Прославилась многочисленными чудотворениями, как при жизни, так и по своей блаженной кончине. Память празднуется 28 июля (ст. ст.). - *Примеч. пер.*

В ожидании провели около десяти минут. Бедная госпожа Андроника совсем не находила себе места. Она желала одного - подтверждения, что этот человек может что-то сделать. Вскоре появился врач - помпезный, впечатляющий, серьезный, непроницаемый. Он описал всю картину болезни, подробно остановился на том, что его озадачивало, отлично выражал свои мысли, но совершенно не спешил. В итоге он назначил нам день операции и сказал, что попытается. Внутреннее напряжение матери вырвалось наружу, и она бросилась к врачу с вопросом:

- Доктор, скажите, что вы будете делать? Врач сухо ответил:
- Ты веришь в Бога?
- Да, верю...

После паузы он продолжил:

- Когда веришь в Бога, то не спрашиваешь, что Он будет делать, просто доверяешь Ему. И я не знаю, что буду делать. Это решится во время операции. Но у Валандиса все будет хорошо.

Этот человек вышивал. Операция длилась почти двадцать два часа. Сменились три смены техперсонала и медсестер, а он бодрствовал. Немного отдыхал и возвращался. Смотрел, думал, проектировал, решал и продолжал. Никто не знал, что он сделает в итоге. Даже он сам. Он начал операцию в 11 утра и закончил на следующий день в 8.30. Он сделал все. А маленькому Хрисоваландису предстояло еще восьмимесячное лечение.

Невообразимое страдание для малыша, душевные и физические муки для его родителей.

Бесчисленные вопросы без ответа о будущем ребенка. В итоге стало ясно, что хирургическое вмешательство имело неоспоримый успех. Ребенок будет жить. Однако как, никто не знал и не мог гарантировать. Если, для того чтобы жить, ты не должен жить, то каков смысл такой жизни?

Но с другой стороны, если эта попытка науки дать человеку жизнь, основана на любви, то кто может сомневаться в ее достижениях? Кто может утверждать, что достоинство человека попадает в зависимости от степени его инвалидности? И разве зачастую сокровище личности не проявляется в людях, страдающих тяжелой умственной отсталостью?

Сейчас Валандис взрослый мужчина. Прекрасный молодец. Недавно он женился. У него исключительная жена. Скоро он станет отцом. Его рождение - это чудо Божие, Бог дает лишь жизнь. То, что он выжил - чудо науки, но она же, к сожалению, приносит и смерть. Если бы он родился двадцать лет назад, то не выжил бы. По всей вероятности, если бы можно было диагностировать его патологию до рождения, мы лишили бы его жизни. Любовь, проявленная в борьбе за жизнь этого малыша, была бы жестоко задумана бесчеловечным стремлением, чтобы он не жил, чтобы было так, как хотим мы, в соответствии с нашим представлением о том, как стоит жить. В таком случае Хрисоваландис миновал бы операции, но лишился бы жизни. Его родители избежали бы стольких мучений, но потеряли бы свою любовь. Потеряли бы и его любовь.

Андрей, сын Андрулы

Осенью 1987 года, будучи в Америке, я совершенно случайно узнал, что рядом с моей работой, в ожогово-дерматологическом центре, находится на лечении ребенок с острова Кипр. Маленький Андрей родился с родимым пятном, покрывавшим почти две трети его тела: всю спину, половину груди и живот, одну руку от локтя и выше, большую поверхность ног и часть лица. Единственным выходом была систематическая поэтапная пересадка ткани. Врачи брали часть здоровой кожи, культивировали ее в лаборатории - так получался большой по площади кусочек, и потом, после необходимой подготовительной обработки, его пересаживали на пораженную часть нежного детского тельца. К первому году своей жизни Андрей перенес тринадцать операций по пересадке кожи и такое же количество наркоза. Мучения маленького ребенка были безмерны, переживания и душевные страдания родителей - невыразимы.

У них долго не было детей. С какой радостью они приняли весть о том, что станут родителями! Месяцы заботы, ожидания и подготовки. Приблизился момент родов. Вышла головка. За ней тело ребенка... Черное и грубое, испещренное родимыми пятнами. Можно представить себе, как внезапно переворачивается весь мир: готовишься к празднику, а сталкиваешься с первыми признаками длительной и невообразимой по своей величине и развитию драме. Сомнения, препятствия, кардинальное изменение решений - все это превосходит возможности человека.

Они привезли своего ребеночка в Бостон. Неизвестные среди неизвестных. Неизвестен и результат их попытки. Не определено время пребывания. Неясно будущее ребенка и семьи.

Святитель Григорий Богослов пишет: «...добро исчезает, зло обнажено, корабль в ночи, нет нигде путеводного огня, Христос почивает» (Послание 80 к Евдоксу ритору): нет ничего хорошего, только ужасное, путь во тьме, света нигде нет, Господь спит. В таком состоянии находились родители на момент нашего знакомства.

Зачем надо было появиться на свет этому ребенку? Почему он должен так мучиться? Почему должен страдать сам и доставлять невыносимую боль своим родителям? Почему, вместо того чтобы строить планы и мечтать о его жизни, они должны приходиться в ужас от одной только мысли о будущем? Можно почти с уверенностью сказать: если бы во время

беременности было известно, что их ожидает, то они решили бы ее прервать. Мирская логика говорит: правильно бы сделали.

Мы провели вместе почти восемь месяцев. На эти вопросы я ни разу не ответил прямо. Я и сам себе не мог дать хладнокровный ответ. Просто пытался поделиться своей любовью, поддерживал и сострадал, как мог. Это были люди с простой верой и обычной логикой. Не очень-то и церковные. Обыкновенные люди... Мама очень эмоциональна, выразительна, подвержена сомнениям в вере и ропоту, что объяснимо в ее положении. Великодушный и полный достоинства отец. Молодые родители, достигшие за один год такой зрелости, к какой им не удалось бы приблизиться на протяжении всей жизни, если бы не беда.

Единственное их утешение - это один богатый киприот, взявший на себя расходы по лечению ребенка. А также незнакомые люди, ставшие близкими друзьями в больнице. Бог казался не особо щедрым на любовь к ним, может, и несправедливым. Окружавшие их люди, пожалуй, были более благосклонны.

С тех пор прошло около двенадцати лет. Я вернулся в Грецию, уехал на Святую Гору, стал священником. Наши дороги разошлись. Вероятность того, что маленький Андрей выжил, очень мала. Так, по крайней мере, заключали врачи согласно своим знаниям и опыту. Я им верил.

1999-й год. Я в Левкосии. Меня и бывшего тогда министра здравоохранения попросили дать интервью на телевидении. Мы должны были отвечать на вопросы, поступавшие по телефонной линии. В студии мне сказали, что один мой старый знакомый из Америки сейчас в открытом эфире. Это был отец Андрея. Он просил о встрече. Вскоре передача закончилась. Я вышел из студии и встретился с ним. Первый мой вопрос:

- Что с Андреем?
 - Он в некоем другом мире.
 - Он умер?
 - Я не сказал, что он в ином мире, но в некоем другом.
 - А вы где находитесь? - осмелился я продолжить.
- Мы всегда с ним, в его мире. Я мало что понял. С необыкновенной сердечностью и достоинством отец Андрея пригласил меня к себе домой увидеться с ребенком. Мы тут же отправились к нему.

Андрею тринадцать лет. Высокий мальчик, ростом примерно метр семьдесят. Его внешний вид, пожалуй, приемлемый. Отдельные родимые пятна на лице и на руках - ничего отталкивающего. Однако проблема заключалась не в теле, но во всем его поведении.

Андрей страдал глубокой степенью аутизма. Он ничего не мог делать сам. Совершенно не говорил. Не реагировал ни на какой звуковой раздражитель. Ему мешала музыка. Родители не могли найти ничего, что бы облегчило его существование. Однажды крестная мать взяла его в свой новый дом рядом с храмом. Колокольный звон. Андрей впервые улыбнулся. Его охватил восторг. Он показал, что хочет пойти по направлению к этому звуку. Колокол умолк. Андрей настаивал. Пошли на вечерню. Андрей бормотал, как-то участвовал. Возвратились домой. Крестная включила радио. Он попросил выключить. Поставила ему кассету с византийской музыкой, он вновь ожил.

Сейчас, по прошествии более двадцати лет, Андрей ходит только в церковь, знает «Верую» и «Отче наш», причем наизусть, а из песен - «Чистая Дева, Владычица». Отказывается идти куда бы то ни было в другое место. Совершенно правильно осеняет себя крестным знаменем, причащается, ему нравится гладить бороды священников. Это его жизнь. Только это. Ничего другого. И своих родителей он привел к жизни в Боге, в этом своем, «другом», мире.

Больной ребенок, измученный, ущербный, страдающий аутизмом, ненужный этому миру. Ребенок, имеющий необъяснимое таинственное общение с Богом, драгоценное духовное сокровище для этого мира. *Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немоцное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее* (1 Кор. 1, 27-28).

Если бы мы знали заранее о состоянии здоровья Андрея, то его бы сегодня не было, мы бы не разрешили ему быть. Но Бог обманул нас и избрал его. Этот ребенок украшение Божие в этом мире. *Немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков* (1 Кор. 1, 25).

Умственно отсталая Александра

Несколько лет назад я познакомился с маленькой девочкой, Александрой, страдавшей одной из форм аутизма. У нее была слабо развита способность к социализации. Психологи не давали никаких надежд на развитие ребенка. Родители обращались к различным специалистам, но все говорили одно и то же. Девочке исполнилось восемь лет, она была замкнута. Ее не брали ни в одну школу, и она потеряла два года обучения.

Родители не ходили в церковь. Безразличные к вере, они были, возможно, рационалистами-атеистами. В доме у них - ни икон, ни лампад. Они показывали себя агностиками. Кто-то из друзей убедил их пойти к одному священнику, доброму человеку, настоящему психологу.

От отчаяния они пошли к нему. Этот человек, обладавший любовью и добротой, немного успокоил их.

- Выход из этого положения найдет сама Александра. Такие дети склоняют к себе милость Божию особым и непривычным образом. Бог, допустивший по отношению к вам такую «несправедливость», Сам найдет способ, как ее исправить.

- Но, отче, мы обращались к самым опытным специалистам, и ко многим, а не к одному или двум. Никто не дал нам никакой надежды. Они обследовали ребенка не раз и все подчеркивают, что мы должны примириться с действительностью как можно скорее, чтобы как-нибудь успокоиться. Но я не могу этого вынести, - сказала мать. - То есть она не пойдет как все другие дети в школу? Ей будет тридцать лет, и она подобно ничего не выражающей массе будет ходить по дому?

- Вы очень правильно сделали, что обратились к ученым. Однако Бог знает, как опровергнуть заключения даже самых выдающихся специалистов. Знайте, что в Александре скрыто великое сокровище, вы будете восторгаться не только ребенком, но и Богом, - ответил священник и помолчал. - Продолжайте настойчиво искать школу. В конце концов найдется какой-нибудь выход.

Действительно, после многих разочарований и отказов они встретили молодого психолога, которая, как никто другой, проявила интерес к их случаю. В ее кабинете множество разных предметов: книг, карандашей и т. п. Есть икона Божией Матери. Девочка ни на что не обращала внимания, ее заинтересовала икона. Она подошла и попыталась погладить, но не смогла достать. Она настаивала. Психолог взяла ее на руки. Девочка протянула ручку и с особой нежностью погладила икону. Чуть позже, во время беседы, маленькая Александра заметила крест на груди психолога и захотела поиграть с ним. Наклонилась и поцеловала его. У себя дома она никогда не видела икон и, естественно, была совсем не приучена к целованию крестов и церковных предметов. Все это привело родителей в замешательство.

С помощью психолога через два года нашлась специализированная школа, в которую девочку взяли на испытательный срок. С большой любовью психолог сумела раскрыть в девочке таланты. Родители попросили, чтобы ей дали возможность написать тест - может, удастся сдать экстерном материал и перейти в другой класс. Она сдала экзамены и на самом деле впечатлила всех. Через три месяца она - лучшая ученица в классе. Перешла в обычную школу. У нее удивительная память. Помнит наизусть столицы всех государств. Выучивает английский и французский так, что никто не может поверить своим глазам. Ей сложно с математикой. Но она изумительна в чтении и правописании. Не делает ошибок. Исключительно и со смыслом рисует. Не копирует. А главное, она смиренный ребенок. Все ее любят и играют с ней. Некоторые дети видят ее отличие от других и дразнят. Она

приходит в смятение, но тут же прощает. Она любит ходить в церковь и петь тропари. Никто не знает, что она чувствует. Один благоговейный священник признался мне:

- В этом ребенке есть нечто. Когда прихожане просят моих молитв о чем-то очень важном, я, в свою очередь, прошу Александру. Она молится о больных, о супружеских парах, не имеющих детей, о людях, испытывающих душевные страдания. Я даю ей имена, объясняю ей как можно проще случаи, чтобы она не расстраивалась сильно, так как она очень сострадательна. Она молится, и Бог слышит ее молитвы.

Если бы возможно было диагностировать и как-нибудь проверить здоровье ребенка до его рождения, то сегодня не было бы этого сокровища. Присутствие маленькой Александры приносит боль, но несравненно больше благодати в наш печальный мир. И главное, рождает интуитивное чувство о существовании Бога, отличного от того, каким представляет его себе человек и который, конечно же, не существует.

Больные детки приходят в наш мир не для того, чтобы мы негодовали и мучились. У каждого из них есть своя причина к существованию и свой таинственный голос. То, что остается нам - это любовь по слову апостола Павла *друг друга тяготы носите* (Гал. 6, 2); опыт смирения, что мы не такие уж сильные; попытка облегчить страдания и понять язык больного ребенка. Такие дети разговаривают лучше на Божием языке.

ОТ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ К СПАСЕНИЮ

Радость и мир, превосходят всяк ум

(Флп. 4, 7)

Обычно человек справляется с трагичностью жизни с помощью лекарства, именуемого забвением. Сами того не сознавая, мы хотим забыться и отложить всякое занятие философией. По какой-то причине боимся, что вместо облегчения оно принесет нам горе и разочарование. Постоянно выискиваем различные способы бегства от действительности. В большом торговом центре тысячи людей бегают в спешке и забыты. Забота о покупках, учеба в университетах, посещение развлекательных центров и работа помогают забыться, обмануться. Все это обращает мысли и интерес к другому. И правильно. Иначе эта жизнь становится невыносимой.

Но есть, однако, места, которые заставляют задуматься. Места таинственные, странные, но очень проникновенные. Например, в аэропорту, где можно увидеть формальную картину прилета и отлета множества людей, но где происходят встречи и расставания, наполненные глубоким смыслом. Расставания, кроющие в себе боль тревожного ожидания и неизвестности, или встречи, выражающие неопишущую радость возвращения, успеха или знакомства. Там есть время ожиданию. Есть возможность растрогаться, воодушевиться, испытать боль, подумать.

Посещение планетария, взгляд из телескопа не могут оставить тебя равнодушным, не вызвать плодотворных мыслей. Там видишь то, чего никогда не видел. Видишь так, как никогда не мог себе представить. Понимаешь, что означает великое и далекое. Подходишь к таким понятиям, как бесконечное и вечное. Одновременно чувствуешь себя невероятно маленьким. Смотришь вдаль и познаешь то, что у тебя внутри, глубоко внутри... Чувствуешь свою ничтожность ясно, свою подверженность смерти - близко, свою малость - убедительно и навязчиво. Хочется за что-нибудь ухватиться. Думаешь и не находишь выхода. Пытаешься забыть и не можешь.

Другим местом, изменяющим и преобразующим обычную логику, являются тюрьмы. Молодые ребята, свежие девушки, наши собратья, образы Божий, вместо того чтобы пользоваться всеми благами жизни, крадут от своей жизни, грабят не принадлежащую им жизнь, становятся источниками мести, мастерами извращения, выразителями зла и безрассудной жестокости, механизмами бесчеловечных инстинктов и получают тюремное заключение, нездоровое сожительство. Отверженные обществом, они несут тяжкое

наказание: разлуку с близкими, совершенное презрение, потерянные надежды. Как возможно, что человек, *умаленный малым чим от Ангел* (Евр. 2, 9), живет в таких условиях?

Как возможно, что вместе с запятнанной вечной перспективой комкается и его земное будущее? Разве может человек быть только ошибочным прошлым? Смотришь на некоторых заключенных, и их взгляд выражает столько боли, недоумения, такое покаяние, такую истину! В один момент может перевернуться вся жизнь. Почему Бог, Который, как говорят, дает всем шанс, допускает неудачу, несчастье, несправедливость, имеющие к тому же последствия на всю жизнь?

Мысль останавливается и при посещении психиатрических больниц, заведений для умственно отсталых. Это невозможно перенести. Я побывал в одном таком центре. Ко мне подошел парень лет двадцати пяти. Ему понравились моя борода, епископский жезл и панагия. Он радовался как ребенок. Сначала попытался меня обнять, но его спастические движения привели к тому, что он очень грубо меня ударил, сбил с меня очки, нечаянно толкнул и упал на меня со всей силой. Видя на моем лице выражение боли, он стал издавать нечленораздельные крики. Этот человек не может проявлять свою любовь, наслаждаться жизнью, он с трудом осознает радости и горечи, не разделяет того, что явно различается. Закрытый в учреждении вместе с другими, он не решает ничего в своей жизни. Его свобода и самостоятельность минимальны. Насколько он человек? В какой мере он принадлежит себе, в какой мере его жизнь регулируется и формируется нами? И если это малость по сравнению с тем, что Бог дал каждому человеку, то почему Он сотворил его таким: сам он не может выражать свои чувства, его родственники мучаются, а те, кто его видит, страдают от диссонанса чувств и логики?

Больницы - это места, где рушатся все устои мира. Там величайшая радость сосуществует с невыносимой болью, тревожное ожидание - с надеждой, острое желание выздороветь - с глубокой потребностью в исцелении ближнего, любовь к этой жизни - с поиском иной. Посещение онкологического детского центра или заведения для инвалидов крушит обычную логику, раздирает чувства, разрушает твой внутренний покой, вызывает сущностное отторжение мира, его социальных общностей, устремлений и перспектив, рождает вопросы о смысле жизни, о том, что имеет ценность и что - нет, о власти, о Боге. Как можно допустить сосуществование в мире Бога и такой трагичности и несправедливости? Кто из нас, если бы он был Богом, сотворил бы такой мир? И почему? Может, человеческая природа скрывает большую доброту, чем Божественная? Что и Кто, в конце концов, есть Бог? Неправильный Творец? Творец ошибочного мира? Победенный злом Добрый? Святой, не обладающий всей силой? Всесильный, не имеющий совершенной любви?

Единственная защита - выбросить все это из памяти. Удалить повод к размышлению, с одной стороны, и поддаться течению времени, с другой, таким образом усыпить проблему. Однако она остается нерешенной. Каждый раз, там, где ты совсем этого не ожидаешь, будут появляться поводы к ее пробуждению. В какой-то момент тебе понадобится ответ, решение проблемы, опора,

небольшая надежда на свет. Наблюдение разочаровывает. Логика не удовлетворяет. Стереотипные религиозные ответы, если не бросают вызова, не убеждают. Убеждает только вера, одна лишь вера, глубокая вера. Она может как-то это объять. Она преображает проблему, от которой ты испытываешь страх, в желанный счастливый случай. Вера - это путь в одну сторону. Только она должна быть подлинной и истинной.

Как-то друзья предложили мне навестить парализованного молодого человека, с пяти лет страдающего мышечной дистрофией. Подробности не сообщили. Только то, что у него широкие научные интересы и что он сам попросил меня о встрече. Он что-то обо мне слышал и хотел познакомиться.

Мы отправились к нему. Во дворе дома нас ждали его родители. Серьезные, очень добрые люди с открытым сердцем. Они были невероятно счастливы нашему знакомству - я

не мог понять почему - с избытком выражали свою признательность за то, что... я оказал им такую честь прийти в их дом. Не только их благодушный прием, но и вид, все поведение показывали, что их жизнь наполнена изумительной радостью, чем-то редким и необычным, чем они гордились. То, на что мне намекали мои друзья, совершенно не вязалось с первым впечатлением. Я не видел никакого намека на боль и, естественно, не находил никакого следа несчастья. Господствовало тонкое чувство величия. Мы поднялись по лестнице, я нерешительно вошел в гостиную и остановился, полагая, что будем сидеть здесь.

- Проходите в комнату Ставроса. Наш молодец там, радость наша, - сказали родители с глубоким убеждением, а не притворно или лицемерно.

Я прошел дальше и увидел... их радость! Мужчина, примерно тридцати лет, прикованный к постели, покрытый льняным одеяльцем, вот уже как пять лет не может даже пошевелить головой, с большим трудом переводит взгляд, но может медленно двигать губами и указательным пальцем правой руки. Кислородный аппарат облегчает его дыхание, современное техническое изобретение усиливает через микрофон его голос, а другое преобразует движения его пальца в текст и изображение. Цифровой экран - его самый близкий товарищ и собеседник, а продвинутая компьютерная программа позволяет ему слушать беседы, переписываться, сочинять музыкальные композиции.

Ставрос показал свою радость по случаю моего посещения и, естественно, свою благодарность за... понесенный мною труд.

- Ставрос, я много слышал о тебе и поэтому пришел, - сказал я.

- Отче, вы же видите, какой я. Что вы могли о мне слышать? Это я слышал о вас, и мне очень хотелось познакомиться, - ответил он, медленно артикулируя, с трудом передвигая губами, при

этом на его лице не было заметно ни малейшего движения.

- Разве можно нас сравнить? Я благодетельствованный лжеудачник. Ты несправедливо страдающий герой, - осмелился я продолжить, поскольку атмосфера позволяла говорить жесткую правду.

- Вы не благодетельствованы более меня. - Он сделал паузу, диалог усложнял дыхание.

Ставрос начал писать на экране:

«Я прославляю Бога за то, что через телесные испытания ожила моя душа, которая устремляется в самые прекрасные уголки мира мысли. Если бы я был, как другие люди, я бы не смог радоваться любви Божией. А сейчас я наслаждаюсь ею».

- Что это за любовь? - осмелился я спросить немного вызывающе, будучи уверенным, что получу самый красивый и убедительный ответ.

Он сделал движение глазами и слегка улыбнулся.

«Та, о которой вы говорите в своих проповедях, - ответил он. - Вы говорите из глубины сердца. Хочу вам сказать, что это истинная любовь».

Далее последовала недолгая пауза.

«Я очень счастливый, - написал он на экране. - Мне даже не жалко моих родителей, поскольку и они счастливы. Бог рядом с нами. Да что я говорю? Он в нас. Рай в моей комнате».

- У тебя не бывает отчаяния или ропота? «Ропота? Отчего? Я истинно живу!!!» - написал он на экране.

- Чего ты желаешь в своей жизни?

«Мне хочется лишь завершить несколько композиций, а потом можно уйти. Родителям будет не хватать меня. Но утешает меня то, что они немного отдохнут и опять встретятся со мной».

Ставрос должен был отдохнуть. Мы разговорились с его удивительными родителями, которые столько времени гордились... своим чудом. Меня угостили, рассказали свою

историю и поделились радостью о ребенке, который с восьми лет находился в полной от них зависимости.

Я дружен еще с одним инвалидом. Он отказывается сесть в коляску, чтобы не быть к ней прикованным. Нектарий - студент юридического факультета, и ежедневно отец буквально таскает его куда нужно. Ноги его не держат совершенно, он не может ни ступить на них, ни двинуть ими. Если его посадить, то он с большим трудом удерживается в таком положении. Ум острый. Психически он здоров. Его улыбка немного некрасива из-за мышечных проблем на лице, но она самая радостная и выразительная из всех существующих. На вызывающие вопросы он отвечает с готовностью, полный доброты, счастья и оптимизма.

- Дорогой мой друг, Нектарий, как я рад тебя видеть.

- Знали б вы, как я рад. Я просто летаю от радости.

- Ты так мучаешь себя и тратишь столько времени ради нескольких минут встречи, это тебя не утомляет?

- Несколько минут встречи стоят всех этих мучений. Да что я говорю? Нет никаких мучений, лишь радость. Я очень счастлив. Мне помо-гает и мой папочка. Слава Богу.

- Слава Богу за твоего папу?

- И за папу, и за все. Бог милостив ко мне. Он дал мне две крепкие опоры - вашу любовь и мою веру. Опираясь на них, я делаю шаги в этой жизни. Это доставляет мне невыразимую радость. Мне хочется бежать. Кажется, что у меня это получится. Да что ж я говорю. Ведь я уже бегаю.

- Я всегда вижу тебя радостным. У тебя никогда не бывает плохого настроения? Не бывает падений?

- Нет, никогда, - отвечает он четко. - Я счастлив.

Я предложил ему подружиться с одной молодежной компанией, которая окормляется молодым священником, не столько затем, чтобы ему помогли, но чтобы он помог им. Он действительно поднял дух всей компании. Своими манерами, видом, внутренней силой, свободой и благородством, глубиной своей радости, он изменил им ориентиры, полюбил сам и снискал любовь чрезмерную.

Недавно он послал священнику письмо, исполненное глубокой искренности.

«Уважаемый духовник, отец Георгий, целую Вашу руку и прошу Ваших молитв.

Хочу поблагодарить Вас за великий подарок, за Новый Завет, который я никогда не изучал ранее. Он стал для меня спутником и утешением. Каждый отрывок для меня облегчительный вздох. Я больше не боюсь ни днем, ни ночью. Когда я дотрагиваюсь до него, страх неизвестности о будущем исчезает.

Хочу уверить Вас, что с того дня, как я с Вами познакомился, Ваш отеческий голос и любовь сделали меня бесконечно счастливым. Также я хочу поблагодарить Вас от всей души за все, что Вы мне дали.

Я желаю видеть Вас, слышать Вас, чтобы мои родители как можно чаще приносили меня туда, где Вы.

Уважаемый, любимый отец, прошу Вашего благословения, и я уверен, что оно дойдет до моей души в тот момент, когда Вы будете читать эти строки.

Тепло благодарю, Нектарий».

При всем этом его невозможно жалеть. За него не страшно. Чувствуешь, что у него неисчерпаемые запасы сил. Просто восхищаешься им. Восхищаешься лицом, силой человеческой природы, иной логикой. Он может выдержать и большее. И Бог попускает многое.

Недавно от сердечного приступа внезапно скончался его отец. Теперь, с невероятным трудом отыскивая духовные силы, веру и достоинство, Нектарий должен был встретить новую и неожиданную... «несправедливость» по отношению к себе. Разве мало было ему его трагедии? Зачем была нужна эта нежданная горькая добавка? Он был так старателен!

Чем мешала эта награда утешением хорошему ученику из университета горя и испытаний? В конце концов, ранит не само событие, а чувство несправедливости. Ведь страдание приносит не столько вопрос «что», сколько «почему». Нектарий заслуживает лучшей участи.

Но он непреклонно продвигается вперед. Настойчиво думает и действует на других волнах. Вопрос «почему» совершенно его не тревожит. Он смиренен... Его лицо выражает таинственное величие, священную печать, мученическую славу. В его словах превосходящая все мирское надежда, необъяснимая радость другого измерения. Он сияет, как лице Ангела (Деян. 6, 15).

Потрясающе! Как эти люди не задаются теми же вопросами, что и мы? Всегда с улыбкой, всегда радостные, всегда исполненные величия. Возможно, все-таки, для Бога трагичность смерти или же невыносимого испытания не имеет такого веса, как для нас. Может быть, именно по этой причине святые относятся таким вызывающе положительным образом к искушениям, скорбям и испытаниям. «Слава Владыке, Который горькими врачествами приводит нас в возможность насладиться здоровьем», - пишет великий аскет и исихаст авва Исаак¹. Преподобный называет сладостью духовной жизни горькие лекарства. Некоторые из наших братьев, причастники такой логики и такого опыта, обращают ужасные испытания в картину, заметную только снаружи, эти испытания не способны разрушить их душевное счастье. Их жизнь источает чувство таинственного наслаждения, их слово - постоянное и глубокое славословие.

Не могу не рассказать немного об одном из моих лучших друзей, который стал для меня духовным учителем. Когда-то Янис был футболистом сборной страны. Чемпион и тренер по десятиборью. У него дар находить таланты. Решил жениться. Нашел удивительную девушку. Они поженились. А ровно через месяц Янис врезался на мопеде в колонну. Семь месяцев без сознания. Потихоньку пришел в себя, опровергнув медицинские прогнозы. Открыл глаза. Начал говорить. Встал. В течение года научился ходить, немного неуклюже. Новые операции по восстановлению. Не сдался. Он чемпион Греции по плаванию в Параолимпийских играх.

- Я счастлив. Слава Богу. Все хорошо, - эти слова Янис повторяет постоянно.

Он остался без собственности, потерял профессию, планы на будущее рухнули, обеднела внешняя сторона его жизни. Но подлинными стали отношения с супругой, более глубоким - общение с Богом. Сошли на нет жалобы, пустые слова, неразумные решения.

Янис живет рядом с нами, чтобы вдохновлять нас на иной путь, убеждать нас в иной логике, учить нас другому Богу. Богу, Который не виден сразу в событиях, но проявляется

¹ В русском издании слово 37 (О том, по какой причине Бог попускает искушения на любящих Его). Творения аввы Исаака Сириянина (Слова подвижнические). Издание Донского монастыря и издательства «Правило веры». М., 1993. С. 158. - *Примеч. пер.*

во взгляде и слове некоторых «неудачников» и редких людей. Тех, у кого каток испытаний раскатал тело, но не смог сломить душу, у кого в душе сокрушен рационализм и малодушие.

Добавлю еще один, четвертый, случай. Прошло уже десять лет с тех пор, как я познакомился с женщиной примерно сорока лет. Чистая душа. Ясный взгляд. Глубокая вера, церковное устройство, незаметное внешне. Доброта, отраженная в каждой черте ее лица, в движениях, в выражении и оттенках ее голоса.

После долгих лет ожидания у нее рождается девочка с сердечной патологией, гидроцефалией, структурной нескомпенсированностью и, возможно, с умственной отсталостью. Муж настаивает отказаться от этого ребенка. Настаивает невыносимо. Угрожает, что он ее бросит. Она ни при каких обстоятельствах не хочет даже думать об этом. Он уходит. Она остается одна со своим неподъемным крестом. Проблемы материальные, социальные, личные - все непреодолимые. Она работает лаборантом в детской больнице. В этой трагедии меняется логика ее рассуждений, раскрывается сердце. Тогда

впервые она осознает, что ее случай не единственный. Есть и другие детки с подобными проблемами, которые лежат в больницах, поскольку от них отказываются родители.

Она решается на «сумасшедший», но логичный для нее шаг. После многих трудностей ей это удастся. Она берется вместе со своим ребенком вырастить еще двоих, одного с синдромом Дауна и другого - с мышечной дистрофией. Она теряет своего супруга и становится трижды матерью.

- У меня не хватало веры для того, чтобы объяснить, почему Бог позволяет такое, - говорит она. - Недостаток веры я решила восполнить избытком любви, которая, как я обнаружила, спала внутри меня. Я стала действовать. Просто Бог дает мне силы справиться с этой ситуацией. И не просто дает мне силы, ежедневно Он являет мне чудеса. Если вы спросите меня, почему Он позволяет такие вещи, я не смогу ответить. Я только знаю, что Он есть и что Он полон любви большой и великой. От нее получаю и я. Да будет прославлено имя Его! Детки развиваются очень хорошо. Посмотрите на Костакиса с синдромом Дауна, он просто куколка! Я делаю, что могу, и Бог помогает. Если бы вы слышали, что они говорят! Вся мудрость Божия на них¹. Сейчас, когда они немного подросли, я понимаю, что у меня самая лучшая семья. Семья, связанная узами любви и искренности. Да, нам трудно, больно, но царствует истинная радость. Те, кто отказывается от таких детей, не принимают милость Божию.

Действительно, часто можно видеть, как на детях, пренебрегаемых жестокосердием нашей эпохи и культуры, *почивает Дух Божий* (1 Пет. 4, 14). И опять же, через свои испытания они научают нас чудесному.

Вспоминается Мирто, маленькая радостная девочка. У нее была острая форма лейкемии. Молчаливо и с несравненным терпением, со сладким взглядом на бледном личике она переносила все самые тяжелые процедуры. И насколько терпелива была она, настолько приходили в отчаяние ее родители, потерявшие постепенно вместе с надеждой и последние крупницы веры. Так или иначе они не были верующими людьми. Но что-то теплилось в них. Они отдали дочь в хорошую школу, учительница ее очень любила. Каждый раз перед сном Мирто творила крестное знамение со словами: «Огради меня, Господи, силою Честнаго и Животворящего Твоего Креста».

- Почему ты крестишься? - спрашивала ее мама.

- Чтобы Христос давал мне силы, - отвечала она. - Так нам сказала госпожа Параскева в школе.

¹ Закон Господень непорочный, обращающий души, свидетельств о Господне верное, умудряющее младенцы (Пс. 18, 8).

- Не лучше ли попросить Его исцелить тебя?

- Это не нужно, поскольку Он дает мне силы и радость.

Родители не настаивали. К тому же они мало что понимали в этом. По мере усиления болезни дочери они стали роптать на Бога, но не могли требовать от ребенка прекратить креститься и произносить молитвы.

Мирто умерла в возрасте восьми лет. Она выпустила из своих объятий куклу, скрестила ручки и попросила маму прочесть ей «Отче наш». Мама не могла не исполнить ее просьбы. Она сделала это с рыданиями, оставив доводы и доказательства, логику ограниченного ума. Из ее глаз текли слезы, а вместе с ними в сердце рождалась вера. Теряя Мирто, она приобретала Бога. Дочь стала для нее духовной матерью. У нее более не было живой дочери, но были силы, выдержка и радость.

ПОЧЕМУ МНЕ, БОЖЕ МОЙ?

Благословенные «почему»!

Такой частый, глубокий, сильный по своей постановке вопрос, на который так сложно ответить. Это такой истинный, естественный для человека, требовательный вопрос, который, однако, не выдерживает испытания словом, не помещается в слова, не может быть широко обнародован. Более того, человек не может быть удовлетворен однозначными ответами на него от якобы обладающих знанием, как помочь тому, кто пребывает в скорби. Возможно, это особая тема, по которой не могут и не должны проводиться выступления. Она слишком глубока для того, чтобы оказаться на уровне поверхностного осознания. Она слишком болезненна, чтобы уместиться в границах нашего самообладания. Она слишком личная для того, чтобы распознать ее среди устоев публичного слова. Возможно, этот вопрос приносит большую боль, чем вызывающая его причина, поскольку мы все знаем, что на него нет легкого ответа. Но, однако, этот вопрос очень навязчивый и подлинный.

Почему мне, Боже мой? В моих ушах звучит этот вопрос и откликается глубоко в моем сердце. Это вопрос каждого родителя, у которого страждет ребенок, и каждого человека, пораженного неизлечимой болезнью. Как же от вопроса перейти к беседе, составить по нему мнение, дать совет или даже ответ?

Этот вопрос ставят постоянно, и ответить на него можно только слезами, а не словами, чувствами, а не мыслями, молчанием, а не мнением, состраданием, а не ответом. Как это сделать? Часто глаза говорят красноречивее, чем уста, вздох оказывается сильнее мысли, а скорбящее недоумение выражает истину в большей мере, чем какой бы то ни было ответ.

Обращаю свой взор на окружающий меня мир и вижу страждущих людей, наших братьев, сгибающихся под тяжестью испытаний. Они хотели бы хоть как-нибудь выразить свои чувства, но у них или нет возможности сделать это, или они не решаются или даже боятся. В конечном счете, все они для нас... не чужие, не недостойные нашего внимания, они самая чистая и необходимая часть нас самих, поскольку внутренняя встреча с ними упраздняет в нас наше «я». Мне бы хотелось одолжить уста моей души их душе, чтобы она могла выразить свою немую боль и сформулировать свое настойчивое недоумение.

Недавно мне представилась возможность посетить детскую больницу. Зашел в кабинет главного врача онкологического отделения, с которой был знаком, и она предложила мне пройти в палаты к детям. Я предпочел бы не принимать это предложение и, бросив взгляд на стены ее необычного кабинета, увидел фотографии, с которых смотрели лица, страдающие и полные надежды, несущие на себе следы раны, в то же время боевые. Кто-то из них еще был с нами, чтобы умножать радость, а другие ушли, чтобы настроить нас на необходимость встречи с ними в Божиих объятиях.

Книг в этом кабинете было намного меньше, чем фотографий. Обширные научные знания несравнимо беднее, чем изобилие подлинной жизни.. Недоумения и неизвестное бледнее блистания необычной любви этого места.

Мы вышли из кабинета, и мне казалось, что я выходил из правды, чтобы вновь оказаться во лжи этой жизни, но у меня было чувство постыдного облегчения. Однако я наткнулся на еще большую правду. В холле за столиком играли в настольные игры трое ребятишек без волос, с бледными лицами, с внутривенными системами и на руках для химиотерапии. Рядом с ними их молодые мамы и один дедушка. Взгляды взрослых вмиг приковались ко мне. Ребятишки беззаботно продолжали развлекаться. Я был в растерянности и не осмеливался на притворную улыбку... хорошего священника, пришедшего сделать доброе дело. Никогда взгляды родителей и беззаботность детей не пронизывали меня столь глубоко. Эта картина самопроизвольно превратилась в вопрос, который отдается в моих ушах до настоящего момента. Те глаза жаждали хотя бы малейшего ответа на очень короткое, но глубокое

внутреннее недоумение, складывающееся в сердце любого нормального человека: «Почему мне, Боже мой?»»

«В конечном счете, скорбные глаза могут утолить свою жажду только собственными слезами, а никак не моими словами», - подумал я и, попросившись с ними, унес с собой, вместе с воспоминанием о выражении их глаз, вопрос.

Почему?

Почему скорбь? Почему несправедливость? Почему страдают детки? Почему так преждевременно? Почему таким образом? Почему неопишуемая радость их невинного присутствия сменяется невыносимой скорбью? Почему? И если это происходит для неизвестной нам пользы, то почему эта польза столь горька?

Почему мне?

Что плохого я сделал? Как мне найти в себе неизвестную причину? И если виноват я, то что мне сделать, чтобы повернуть вспять происходящее? И по какой причине из-за меня должно страдать это невинное создание?

Именно это, представляется мне, невозможно вынести. Я боюсь потерять ту малую и слабую веру, что у меня есть. В конце концов, что полезного во всей этой истории?

Почему мне, Боже мой?

Разве я не Твое чадо? Разве Ты не Бог, Который *есть любовь* (1 Ин. 4, 8). Какая связь может быть между Твоей любовью и моим мучением? Разве могут привлекать меня Твои бичевания? Как соотносить Твою доброту с логически необъяснимой болью, скорбью, с вероятностью соблазна?

Молодая пара. Они познакомились недавно. Мечтали о том, чтобы жить в любви. Чтобы эта любовь была как можно сильнее! Как можно богаче! Как можно глубже! Это и есть жизнь. В этом не только сладость и красота, в этом сила. Любовь не выносит одиночества, не ограничивается своей самодостаточностью. Она рождает, умножается, несет жизнь.

Опьяненные своей любовью, они женятся. Как прекрасно проходит первое время! Смотрят друг другу в глаза и укрепляются в своей уверенности, что все будет хорошо. Никакое облачко не может затмить ясное небо их мечтаний.

Они ждут ребенка. Это придает ценность их совместной жизни. Это воплощение мечты. В этом все их надежды. Их улыбка шире, чем объятия их любви. Впервые в жизни в их любовь входит кто-то другой, который невидим, но умножает и укрепляет ее. Изменения женского тела подтверждают признаки новой жизни, порождаемой любовью, но и сама эта жизнь рождает любовь. Этот маленький, невидимый эмбрион сам несет жизнь своим родителям. Действительно, они открывают, что любят друг друга не только сильнее, но и совсем по-другому. Качество их отношений меняется, они поднимаются на другую ступень.

Молодая женщина уже мать. Просто она ждет момента, когда сможет обнять своего ребеночка. День родов приближается. Физическая боль сменяется радостью о новой жизни, красотой присутствия нового существа в доме, восторгом о неповторимой личности. Супружеская пара может дать десять в сороковой степени различных детей. Это один из них. Вместе с ним день за днем проходят радости, бессонные ночи, тревоги, заботы, объятия, поцелуи, игры, мечты. Ребеночек растет, начинает улыбаться, говорить, ходить, хулиганить, возможно, начинает ходить в школу.

Связь еще более крепнет. Один страх сменяется другим. Доносится слух, что какой-то ребенок тяжело болен. Улыбка исчезает с лица. Но ненадолго. Глубокие и сокровенные страхи наполняют душу и определяют подлинность намерений. Нет, это невозможно! С нами этого не случится. Была какая-то на то причина, и болезнь постучалась в тот дом. Вероятность, что она посетит и нас, очень мала, почти невозможна. С крупинками

имеющейся веры мы тайком осеняем себя крестным знамением. Если Бог есть, Он увидит и защитит теперь, ведь мы успели, пусть и в душе, призвать Его. К тому же Бог есть любовь. Если Он не пожалеет нас, то пожалеет наше бедное дитя. Ведь оно совершенно невинно.

Но вот у нашего ребенка во время игры кружится голова или однажды утром у него поднимается высокая температура и держится в течение нескольких дней, не спадая, или ребенок испытывает сильную и необъяснимую боль. Нам страшно. Мы, однако, уверены, что обследование покажет, что у него вирус или же, в худшем случае, - какая-нибудь детская болезнь, которая в прошлом угнетала мир, но сегодня медицина успешно с ней справляется.

Проходит достаточное количество дней. Безоблачность нашей радости прерывается молниями медицинских диагнозов. Этот диагноз напоминает вкусный морепродукт, который, однако, одной своей клешней сжимает наш мозг, а другой протыкает наше сердце. Это рак. То, что обычно мы проглатываем с жадностью, теперь само поедает наше существование. Мы не хотим о нем даже думать и не можем этого осознать. Недавно мы крепко обнимали друг друга, радуясь, что Бог подарил нам Своего ангелочка. Сегодня наше объятие подобно сосуду, куда стекают слезы от страха, что Он может преждевременно забрать нашего ангелочка.

Ураган медицинских анализов сменяется мощным обстрелом вопросов «почему», на которые нет ответа. Почему, Боже мой, такая боль? В чем повинно это маленькое чистое создание? Почему мой ребенок, который мне кажется лучше всех, а не какой-нибудь другой, незнакомый и далекий? Почему он должен испытывать боль, мучения, страдания, беззвучно и не протестуя терпеть, ничего не подозревая? Почему он подвергается опасности преждевременно лишиться будущего, о котором мечтают его родители, оставить игрушки, братишек, папу и маму, этот мир? Почему все это происходит и никакая логика не способна нас поддержать, никакое объяснение - утешить, никакое слово - укрепить, никакой бог - коснуться нас?

Оставляем все это, ищем прибежища в чуде. Кто знает? Христос воскресил дочь Иаира (см.: Лк. 8, 41-56) и сына наинской вдовы (см.: Лк. 7, 11-16), исцелил дочь хананеянки (см.: Мф. 15, 22-28) и раба сотника (см.: Лк. 7, 2-10). Бог особенно любит детишек и постоянно наставляет нас учиться у них невинности. Его любовь неисчерпаема. Столько чудес совершается вдали от нас и совершалось в прошлом, почему бы не произойти одному в наши дни для нашего малыша? Кто есть Бог, что Он не может сотворить одного чуда?

Однако попытка утешиться еще более углубляет страдание. Чудеса потому и чудеса, что не происходят часто. И опять же, если Бог совершит для нас чудо, не будет ли это несправедливостью? Почему одни могут получать в своей жизни благодеяния от Бога, а другие должны быть лишены его? Почему одни могут Его славить, а многие другие должны невероятным образом смиряться и умолять Его? И опять же, если Он может совершить чудо, почему Он не исцеляет всех или, более того, не упраздняет болезни, чтобы мы могли пожить свои немногие годы в покое и радости? В конце концов Бог есть, чтобы мы мучились, или же Его нет, и поэтому мы испытываем мучения?

Некоторые говорят, что Бог нас любит, поэтому и допускает эти испытания. Но почему же Бог любит только нас и не любит тех, кто нас утешает и отвечает на нашу боль советами и словами? Почему их дети могут беззаботно играть и смеяться, а наш ребенок, бледный, должен жить среди лекарств и медицинских бутылей? Почему их дети могут развлекаться, шутить и шалить, а наш должен жить в обмане, лжи и глупых надеждах, что якобы он выздоровеет и снова пойдет в школу? Почему они могут строить планы о своих детях, а мы должны дрожать от мысли о будущем?

И если предположить, что Бог может сделать так, чтобы не болели детки, как же Он допускает и как соотносится с Его любовью и Божеством то, что страдают взрослые?

Почему эта жизнь так трагична? Почему мы должны бояться полюбить, не решаться совершенно отдаться другому, думать, связывать ли свою жизнь с другим? Чем сильнее

любовь, тем более болезненно расставание. Чем глубже чувства, тем более ранит боль. Правда, почему?

Похоже, что порой эти «почему» приносят нам страдание. Кто-то советует не задаваться вопросами: по отношению к Богу «почему» непозволительны. Возможно, этот наш грех и есть причина страданий ребенка.

И все-таки когда эти «почему» задаются в смирении и со спокойной болью, они не только отражают наше подлинное «я», но и самое истинное бытийное недоумение этого мира.

«Благословение» страдания. Благословенные «почему»!

Их освятил Сам Христос на Кресте: *Боже мой, Боже мой, векую мя еси оставил?* (Мф. 27, 46). Боже Мой, зачем Ты со Мной так поступаешь? Что Я Тебе сделал? Разве я не Твой Сын? Точно такой же вопрос, как у меня, который также остался без ответа. Внешне он остался без ответа. Но события сделали явным этот ответ.

Подобные многочисленные «почему» вышли из уст многострадального Иова и из-под пера страдающего Давида¹, двух людей, у которых трагическая смерть детей легла печатью на их исторический путь. Обоих часто представляют как образцы исключительной веры, выдержки и терпения.

Этот вопрос мы обращаем к Богу, задаем его сами себе, повторяем людям, по нашему мнению, особенно нас любящих. Мы задаем его, чтобы выразить свое внутреннее недоумение, ожидая утешения от ответа. Но кто может дать нам ответ? Даже если он его знает, как может сказать его нам?

Святитель Василий Великий говорит скорбящему отцу, что скорбь делает человека столь чувствительным, что он становится как глаз, который не выносит даже пушинки. Самое мягкое движение увеличивает боль страждущего человека. Самая деликатная аналогия становится невыносимой. Логические доводы нестерпимо будоражат. Лишь слеза, участие в недоумении, молчание, внутренняя молитва могли бы облегчить боль, просветить тьму или родить маленькую надежду.

Скорбь рождает истину, сочувствие, участие

Скорбь пробуждает не только нас, но рождает и любовь вокруг нас. Другие пытаются стать на наше место. Стараются в собственном благополучии разделить с нами самые нежелательные для них чувства. И делают это. Скорбь рождает в нас терпение и

¹ У святителя Димитрия Ростовского в Житии праведного царя Давида написано: «...пророк предсказал скорую смерть ребенка, родившегося от Вирсавии. Дитя действительно заболело, семь дней молился Давид о ребенке в полном уединении без пищи и без сна. Когда дитя скончалось, Давид смиренно покорился воле Божией, покорность эта была столь же совершенна, как искренно и глубоко было его раскаяние в содеянном грехе, сокрушение его сердца выразилось в пламенном покаянном псалме, который навсегда стал покаянной молитвой всякого кающегося грешника (Пс. 50)». - *Примеч. ред.*

одновременно связь с нашими братьями, основанную на любви. Скорбь рождает истину. Соболезнование других насаждает ее в нашем сердце. И там скрывается ответ. Так в сердце рождается утешение, сладость и облегчение которого намного сильнее тяжести скорби.

Ответ рождается внутри нас

У одних и тех же родителей могут родиться совершенно разные дети. Насколько отличаемся мы друг от друга внешне, настолько и даже больше различается наш внутренний мир во всем своем многообразии. То же самое происходит и с ответами на эти великие вопросы. Если кто-то третий даст нам один якобы правильный ответ, он сведет на нет разнообразие и личностные особенности наших собственных ответов - священных ответов, которые для каждого из нас готовит Бог. Так называемая мудрость какого бы то ни было мудреца может сокрушить внутри нас божественную истину и свободу.

Большая ошибка ждать ответа извне, от других. Кто мудр? Кто просвещен? Кто философ? Какой священник, дающий гарантию правильности своих доводов, может действительно знать ответ на наши столь личные «почему». Ответ можно нащупать только внутри нас самих. Его нельзя найти ни в якобы подобных случаях, ни в нашумевших книгах, ни в рецептах утешения и мудрости. Ответ невозможно найти где-то, его не знает кто-то. Ответ рождается внутри нас самих. Наш собственный ответ - это дар Божий.

Скорбь выводит нас за границы человеческих возможностей

В конечном счете на все эти «почему» нет ответов там, где ограниченность и бессилие. В рамках человеческой логики они обычно остаются без ответа. Христос сказал нам о смерти очень немного. Просто Он Сам выбрал ее и перенес такую боль, какую не испытывал никто из людей. И когда Он воскрес, Его уста источили больше дыхания, чем слов. Он ничего не сказал о жизни и смерти - лишь предсказал мученичество Петра. На скорбь невозможно ответить доводами. Несправедливость и смерть также нельзя рассматривать с точки зрения логики... Их можно преодолеть смиренным принятием воли Божией, такой истинной, но такой необъяснимой.

Испытание сопровождается градом вопросов без ответа. А мы, прикованные к «может быть», «почему», «если», питаем свои надежды и выживаем в этом мире, ожидая чего-то основательного и постоянного. Однако обычно такое состояние нельзя найти в наших решениях, оно сосредоточено в неожиданном, превосходящем логику, божественном утешении. Любая попытка подменить божественное утешение человеческими заменителями несправедлива по отношению к нам же самим. Любое ограничение в душащей петле рациональных ответов уловляет нас еще глубже в сеть нашей трагедии. В диалоге со скорбью, несправедливостью и смертью мы обязаны шагнуть за пределы человеческих возможностей и таким образом не только выйти из испытания, но и понять, в чем заключается его благодеяние.

Единственная возможность

Вопрос мы можем поставить, но ответ нужно ждать. Бога или нет, или Он попускает нам испытание, чтобы предоставить нам единственную возможность. Если бы не было Распятия, то не было бы и Воскресения. Христос был бы хорошим учителем, но не Богом. Бог дает шанс. Нам остается увидеть его и использовать. Ведь радость и содержание этого шанса намного больше, чем напряжение и боль испытания.

Смерть, скорбь, несправедливость являют собой тайну, и любой ответ нарушает ее. Здесь истина не может быть выражена как мнение или же довод, но как смирение или боль, присущая всему человечеству. В шествии на грани жизни и смерти, соблазна и славословия, чуда и несправедливости встречаются повороты и тайные уголки, в которых гарантируется истина жизни. Если избежать соблазна быть сломленными, то правда откроется в таком виде, в каком мы никогда ее себе не представляли. Скорбь, если удастся ее вместить, рождает невиданную ранее чуткость и раскрывает действительность, которую иначе нельзя увидеть. Смысл не в том, чтобы случились события и откровения - они существуют, а в том, чтобы открыть глаза и узреть.

К сожалению, и это безоговорочная правда, лишь теряя самое желанное, мы познаем и выигрываем нечто очень великое.

Абсолютно точно, что скорбь и несправедливость не могут упразднить любовь Божию. Бог существует. Он есть *любовь и жизнь* (1 Ин. 4, 8; Ин. 14, 6). Совершенная любовь и полнота жизни. И самое великое чудо Его бытия - сосуществование с болью, несправедливостью и смертью.

Возможно, что самая большая сложность для каждого из нас - это сосуществование с личной болью, это крепкое несущее надежду объятие с глубочайшими «почему», это смиренное внутреннее проникновение к ожиданию Бога через все эти «несправедливости», которые Он, как мы думаем, нам причиняет.

Недавно ко мне подошла молодая девушка, огонек жизни которой, по всей видимости, уже потухал. В ее неподъемной скорби я различил надежду. В заплаканных глазах я встретил радость, силу и мудрость.

- Я хочу жить, - сказала она мне. - Но я пришла не за тем, чтобы вы мне это подтвердили. Я пришла, чтобы вы мне помогли уйти готовой из этого мира.

- Я священник жизни, а не смерти (ср.: Лк. 20, 38)¹, - ответил я. - Потому мне хочется, чтобы ты жила. Но позволь мне спросить. В своем испытании задаешь ли ты себе хоть иногда вопрос: «Почему мне, Боже мой?»

- Я не понимаю вас, отче. Я спрашиваю: «А почему бы не мне, Боже мой?» И ожидаю не смерти, но чаю своего просвещения!

¹ *Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы.*

От смерти в жизнь

(Ин. 5, 24)

РЯДОМ С УХОДЯЩИМ

Смерть уже не имеет над Ним власти

(Рим. 6, 9)

Рак очень тяжелая болезнь, она в прямом смысле слова раздирает тело, разрывает на клочки души больного, близких и друзей, изматывает врачей и медсестер и все общество в целом. Персонал онкологических центров ежедневно видит, как жизнь лицом к лицу борется со смертью, каждую минуту, в каждой палате, различными способами. Они сталкиваются с человеком в состоянии крайней скорби, величайшей тревоги и в совершенном бессилии, с человеком в его самом тяжелом положении, в предельно мучительные моменты, когда он находится на грани.

Ужас смерти

Смерть как состояние ужасна. Результат ее понятен, но необъяснимы ее сущность, причина, виды, неизвестен размах ее последствий. Когда случается кому-то умереть, мы говорим, что мы его потеряли. Смерть переживается как безвозвратный конец, окончательная разлука. Цвет ее черный. Ее выражение сопряжено с болью, слезами, скорбью, недоумением. Ее путь направлен или в никуда, или, в лучшем случае, в неизвестность. Только религии говорят о продолжении. Только христианство говорит о Воскресении. Только Церковь говорит о посмертной славе, блаженстве и упокоении - празднует и превозносит смерть. Вопрос в том, как мы к этому относимся и думаем ли вообще об этом.

В таком положении вещей есть нечто очень трагичное. Если смерть не ведет в настоящую жизнь, тогда чем сильнее любовь, тем болезненней будет разлука. Ведь это не одно и то же: разлучаются два человека, постоянно несогласные между собой, или два противника или ненавидящие друг друга, и двое очень любящих друг друга людей. Неизбежное присутствие смерти в нашей жизни приводит к тому, что мы боимся своей любви, нам трудно отдать себя другому.

Умирает кто-нибудь молодой - и на нас давит, с одной стороны, необычность события, с другой - крах наших прекрасных планов о нем, о его будущем. Умирает престарелый человек, и мы сокрушаемся о том, что угасла жизнь, полная воспоминаний, опыта, тех мгновений, которые соединяли нас на жизненном пути. Долгое умирание изматывает, внезапная смерть застаёт врасплох. Смерть одного человека концентрирует скорбь, многих - потрясает общество. Каков бы ни был вид смерти, ее вкус самый горький из существующих.

Предчувствие окончательной разлуки с любимым человеком, его уход в неизвестность, угроза конца действительно сокрушают обоих. Замена его образа, голоса, прикосновений, живого общения, диалога воспоминаниями и воображением не приносит нам утешения, а углубляет рану разлуки и придает ей онтологический масштаб.

Смерть приходит ко всем, ни для кого нет исключения. Она неумолима. Ее не может обуздать ни знание, ни технологии, ни мировые силы, ни экономическое могущество, ни чудо. Все это в какой-то степени способно преобразить смерть и в некоторых случаях отсрочить, но бессильно противостоять ее господству.

Трагичность одиночества

«Человек - существо политическое», - говорил Аристотель. Мы социальные создания и нуждаемся друг в друге. Хотим жить вместе. Любовь и взаимопомощь укрепляют отношения в обществе - это большие добродетели... Все, разрушающее наше единство, и есть самое худшее из того, что может произойти с нами. Одиночество, отсутствие общества, причиняет нам мучение, вводит в ад и становится трагедией. Это подобно второй, медленной смерти. Одиночество столь же пронзительно, как и смерть. Единственное различие - одиночество может сопровождаться надеждой, в то время как смерть - нет.

Когда переживаешь смерть, чувствуешь, что падаешь в пропасть и тебе не за что зацепиться. Будто задыхаешься и не находишь воздуха, чтобы вдохнуть. Будто сходишь с ума в темноте и не находишь спички, чтобы зажечь. И одиночество, если его выразить цветом, тоже будет черным.

Таким образом, одиночество перед лицом грядущей смерти - одно из самых ужасных состояний. Особенно когда оно сопровождается сильной физической болью и душевными мучениями. Все это вместе в прямом смысле слова раздавливает человека.

Рак как болезнь и угроза

Слово «рак» имеет такую силу, что даже простое упоминание о нем меняет настроение. Оно означает болезнь, совершенно отличную от других привычных болезней. По статистике, рак сопряжен с увеличенным риском смертности, что приводит к потере надежды и снижению оптимизма. У больного, узнавшего свой диагноз, начинает складываться образ мысли, присущий умирающему человеку, а люди, окружающие его, начинают думать, что он близок к смерти. Возможно, по этой причине рак во всех своих видах, даже в тех, что имеют хороший прогноз, - это та болезнь, при которой диагноз обычно скрывают от больного.

Часто лечение рака довольно длительное и мучительное. Оно требует терпения, выдержки, предполагает наличие силы и смелости, которые не у всех есть, сопровождается тревогой, тяготами, телесными и душевными страданиями. Этим рак отличается от многих других болезней.

Кроме того, по общему мнению, сложившемуся исходя из опыта, несмотря на редкие опровержения, терапевтические процедуры обычно не приносят исцеления, но просто отодвигают смерть. Это вызывает в пациенте недоверие и внутренний пессимизм.

Рак - это такая болезнь, развитие или рецидив которой, как правило, не обусловлены знаниями медицины или проведением профилактических мер, но в большинстве случаев непредсказуемы и зависят от самого организма. Профилактика очень проблематична, а попытка предсказать ее последствия подчас терпит неудачу.

К тому же с развитием болезни назначается терапия, которая вызывает у больного сильные нежелательные побочные эффекты (выпадение волос, слабость, головокружение, рвоту и т. д.). Предлагаемое лечение создает впечатление: для того чтобы жить, нужно сначала умереть. Эта болезнь сразу не отбирает силы, но искажает, делает тебя неузнаваемым даже для друзей.

У больного раком характерный взгляд. Это взгляд, который просит жить, который с выразительной жадностью жаждет немного надежды, хочет за что-нибудь зацепиться, на что-нибудь опереться.

Наконец, эта болезнь дает достаточно времени для неумолимых и мучительных вопросов: «почему?», «может быть?..», «как это попускает Бог?», «где же Бог?». Одновременно она вызывает желание к молитве - если есть Бог, Который слышит, - или ропот, ведущий подчас к столкновениям с совестью - сознательным или неосознанным.

Смерть от рака

У смерти от онкологических заболеваний есть все те же характерные черты, присущие раку как болезни. Главная ее особенность - продолжительность. Она переживается как

процесс. Она не бывает внезапной. Проживаешь каждый ее момент, и к тому же каждый последующий хуже предыдущего.

Все это вместе с физическим изнеможением рождает мысли, отягощающие состояние. Бывает так, что думаешь о своем конце и видишь перед собой тьму, ничто, ноль и сокрушаешься. Кажется, что диалог с грядущей смертью приобретает черты постоянного мучения.

К смерти, вызванной онкологическим заболеванием, человек приближается с сильной болью, страданием, с нежелательными изменениями во внешности и со всем, уже упомянутым выше. Так постепенно слабеют самообладание и душевные силы больного. От болезни и испытания расшатывается нервная система, углубляя и ускоряя процесс психологического краха.

Окружающие больного испытывают невыносимые трудности от того, что видят его в таком состоянии и представляют его конец, поэтому они предпочитают избегать, уклоняться от встречи с ним или приходят и наговаривают столько лжи, что сам больной или понимает, что ему говорят ложь, или вежливо притворяется, что верит в эту ложь. Иными словами, в самый тяжелый момент и больной находится в крайнем бессилии, так что он сам отгораживает себя от других, и его окружение не знает, что сказать и что сделать, поэтому прямо или косвенно отдалается - и, как результат, больной оказывается изолированным.

Как преодолеть одиночество смерти?

В таком положении больной чувствует себя загнанным в тупик и в отчаянии ищет хотя бы малой помощи. Итак, как ему преодолеть эту трагедию кончины в одиночестве?

Логично предположить, что один из способов в этой ситуации - черпать силы в себе, в своем сильном «я». Другой возможный способ - это наши друзья, родственники, врачи, медсестры, чтобы кто-нибудь взбодрил и дал сил. Но как больному черпать силы в себе, когда он стремительно изнемогает? Может, от жизни, которая от него уходит? От своего будущего, которое темно? От близких, которых он оставляет и с которыми разлучается и видит, что и они сгибаются под тяжестью его болезни? От постоянно повторяющейся лжи, что он выздоровеет?

Как могут родственники и друзья поддержать его? Говорить, что все будет хорошо? Но ведь события и действительность это опровергают. Говорить, что они его любят? Но тем хуже, поскольку любовь эта оборвется. Говорить: что ж поделаешь, такова наша судьба? Но это его добьет окончательно. Шутить, меняя тему разговора, прибегать к утешительным отвлечениям и притворяться, что находятся в душевном комфорте? Но все это приносит лишь временное облегчение.

С врачами и медсестрами дело обстоит так же. Что они могут сказать? То, что они прибегнут к новым терапиям? Но уже исчерпаны возможности медицины. Что все это побочные эффекты, а не симптомы бурно развивающейся болезни? Им не поверят. Что они проиграли битву и единственное, что остается, - это фатальный исход? Как раз в этом случае больной окончательно сникнет.

Чем мы действительно можем помочь, так это дать страждущему подлинную любовь и одновременно правду. Ни в коем случае ни любовь без правды, ни правду без любви и выражения человеколюбия. Эти две вещи даруют облегчение и вдохновение к доверию. Просто необходимы истинность и рассуждение.

Любовь не может иметь лишь элементы «добраго дела», это поддержка от всего сердца. Больной нуждается в немногом свете, немногом покое, немногой любви, которые выражаются не в преизбытке эмоций (слезы, сладкие слова, волнения и т. д.), но в заботе, поддержке, понимании, сердечном участии в трудности и в надежде. Любовь должна обладать силой и крепостью. Только в этом случае она может стать опорой.

Но сказать правду сложно из-за нашей немощи, это сознает больной. Если бы мы сами могли выдержать данное обстоятельство, если бы у нас были душевные и духовные

резервы встретить его как собственную, личную, битву, тогда у нас были бы и запасы рассудительного, благоразумного проявления истины. Только одна искренность способна посеять доверие, а ложь -никогда.

С другой стороны, наша цель - не описать в точности проблему с медицинской точки зрения, но поддержать больного как брата и товарища. Одно точно, что неприкрытая ложь причиняет лишь вред. Но и жестко сформулированная правда не менее опасна. Было бы хорошо, если в наших ответах будут настоящие позитивные элементы, способные зародить небольшую надежду.

Будем говорить, что есть некая трудность, но мы надеемся и все вместе пытаемся справиться с ней.

Несомненно, что теплое слово, спокойное и терпеливое присутствие увеличивают доверие и ослабляют чувство одиночества. То же самое можно сказать и об искренности. Это лучшая ласка, которую можно подарить такому же, как мы, человеку, борющемуся со смертью.

Тайна, нас превосходящая

Еще один способ помочь себе и другим - понять, что мы находимся перед тайной, превосходящей наши познания и душевную выдержку...

Мы находимся перед тайной боли и страдания. Почему человек должен так страдать? Почему никто не может облегчить его мучения? Кто может освободить его от душевного страдания? Как эта боль может соотноситься с тем, что говорят о любви Божией? Почему мы не можем предусмотреть и предотвратить эту боль?

Мы находимся перед тайной грядущей смерти. Что наступает за последним вздохом человека? Почему наше будущее, если оно есть, неизвестно нам? В итоге, что такое смерть? Как она связана с жизнью здесь? Если все обращается в ничто, то какую ценность имеет жизнь, даже самая счастливая? Если наша разлука окончательна, какая польза от нашей любви? Если жизнь и любовь - величайшие дары, тогда смерть отождествляется с величайшей потерей. И трагичность положения в том, что первое - гипотеза, а второе - неоспоримый факт. Если опять же состояние после смерти вечно и выражает сильную и совершенную связь с Богом или же сознательное окончательное удаление от Него, почему это должно быть нам неизвестно? В конце концов, если мы имеем доступ к истине о смерти, почему дверь, открывающая путь от жизни к смерти, должна быть сокрыта? Почему должен быть неизвестен час смерти, почему смерть должна быть неумолима в своем выборе и являться самым несомненным фактом в жизни каждого человека?

Мы находимся перед тайной жизни и мира. В каком мире мы живем? Если мы ноль, брошенный случайно в море ничтожества, какую ценность представляют наше настоящее, знания, технологии, общества, история? Почему сама жизнь почитается за благо? И кто нам может это доказать? Ученый? Гений? Какой-то особо одаренный человек? Мы сами с некими нашими способностями?

Мы находимся перед тайной каждого человека и его истории. Как возможно то, что человек, полный сил и жизни, недавно говоривший с нами, выражая богатство своего внутреннего мира, проявляя свойственным исключительно ему образом свою личность, и составлявший историю, сегодня раздавлен болезнью, а через некоторое время умолкнет навеки? Разве возможно, чтобы его дарования, духовные достижения, его любовь и личность, запечатленные в наших сердцах, имели конец? Чтобы у них была та же судьба, что и у тленных, материальных трудов? Чтобы они потухли, так же как его тело? А если нет, то что в итоге остается от близкого нам человека? И как можем мы общаться с той его частью, которая жива и не подвержена тлению?

Бесспорно, мы стоим перед лицом тайны. У нас нет ясных или, по крайней мере, легких ответов. Их или нет, или мы их не знаем. Это состояние превосходит наше разумение. Нет такого знающего ответ мудреца или же постигшего это умного человека, которые в обязательном порядке должны наполнить наши головы ответами. Необходимо, чтобы

произошло нечто другое. В другом месте нужно искать утешение и просвещение. Нам нужно просто ограничиться осознанием того, что мы переживаем нечто, выходящее за границы нашего понимания.

Эта тайна не требует от нас построения логических выкладок, она ожидает от нас смиренного и рассудительного молчания.

Рядом с тем, кто уходит, но не кончается

Невозможно, чтобы человек, угасающий в постели, нашел сам в себе необходимые для опоры силы. Нет таких человеческих сил, которые не обнаруживались на протяжении жизни и проявлялись бы внезапно, чтобы помочь в момент исхода из нее. В аскетической литературе можно встретить случаи, когда у великих и знаменитых подвижников, живших постоянно в молитве, в последние мгновения жизни не было сил даже молиться. Они сохраняли в себе лишь веру. И это в ту эпоху, когда человек умирал раньше того состояния, до которого сегодняшние технологии доводят больных раком. К сожалению, выигрыш во времени часто приводит к расплате: мучениям и страданиям.

Наше полное любви присутствие рядом с больным, мучимым одиночеством, определенно точно приносит ему облегчение. Понимание другого человека и переживание его боли, тревоги, нужды, его искушения как собственных помогает обойтись без утомляющих и обычно бессмысленных слов: «все будет хорошо», «у тебя ничего нет», «через несколько дней мы будем делать одно и другое», «потерпи» и т. д. - и выразить нашу любовь через уважение, которое убеждает более, чем долг или психологический прием, который обманывает.

Но сама по себе любовь, как бы она ни была чиста, недостаточна, чтобы притупить жало смерти. Важно не то, чтобы с достоинством находиться рядом с уходящим, а быть бок о бок с тем, кто уходит, но не кончается.

Эта тайна не для того, чтобы мы поучали находящегося при смерти человека, но для того, чтобы мы в смирении и священном трепете закрыли свой рот и сами наполнились верой, чтобы от нее смогли подарить надежду. Вера - это *Божий дар* (Еф. 2, 8). Вера существует для того, чтобы ее давал Бог. А надежда - для того, чтобы мы ее несли другим. Итак, мы можем и должны дать надежду веры с тем условием, что внутри нас есть уверенность в ее истинности.

Православная Церковь носит название Церкви Воскресения, поскольку центр ее богословия и жизни занимает событие победы над смертью и ее сокрушения, событие Воскресения Христова. Припев «Христос воскрес из мертвых», который в пасхальную ночь мы поем, повторяя его бесконечное число раз, говорит о жизни находящихся «во гробех»¹, с рассуждением подчеркивая, что смерть - это не конец, а переход в иную жизнь, в божественное состояние.

Чувство, что смерть - это не конец всего, крепкая вера в продолжение жизни, убежденность во встрече с Богом могут преобразить смерть из ужасного события в желанное и из опыта человеческого одиночества - в сознание божественного присутствия. Если близкий обладает такой верой, тогда он передает ее больному. Если она есть у больного, тогда он передает ее своему окружению. Тот, кто ею обладает, создает вокруг себя теплую атмосферу общения и прививает к смерти надежду жизни.

Так, рядом с умирающим мы просто присутствуем, молчим, говорим мало и смиренно, главным образом тайно молимся, мы не рядом, мы вместе.

Ответ на вопрос, может ли кто-то умереть в одиночестве, заключается в том, что мы не

¹ «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». Тропарь святой Пасхи, глас 5-й.

можем позволить кому-нибудь ни умереть одному, ни тем более быть одному.

КУДА УХОДЯТ АНГЕЛЫ?

Праведники живут во веки

(Прем. 5, 15)

Когда я размышляю о смерти, и особенно о смерти маленького ребенка, мне трудно представить себя на месте того, кто обладает знанием и просвещает других, не имеющих такого. В такой ситуации сложно думать и говорить. И наоборот, очень мудро учиться у тех, кто сильно страдает, кто подвизается больше других, кто борется за то, чтобы не потерять своей веры, кто постоянно пытается удержать равновесие на пределе своих сил и выдержки, или, по крайней мере, у тех, кто реально борется за то, чтобы дать жизнь и здоровье страдающим детям, а также утешение и подлинную надежду родителям, старающимся изо всех сил удержаться на ногах.

Горькая действительность

Нет более острой боли, чем боль ребенка. Нет большего испытания, чем видеть, как он страдает, и не иметь возможности действительно ему помочь, будучи не в силах самому получить уверенность в его окончательном выздоровлении. Особенно когда он терпелив, благороден, невинен и ничего не подозревает. Недоуменные вопросы: «почему?», «в каком мире мы живем?», «кто виноват в нашем испытании?», «какая мораль, какая логика, какие законы управляют и могут объяснить превращение невыразимой радости о нашем ребенке в мучение и неопишную боль от внезапной перемены в его здоровье?» - переплетаются с обычными вопросами: «он выздоровеет?», «что нам делать?», «может, надо поехать за границу?», вызывая в душе непреодолимую боль и чувство безысходности. Надежды обычно рушатся, но не исчезают совершенно из нашего сердца, оставаясь где-то на горизонте.

И несмотря на то, что мы делаем все: обращаемся к лучшим врачам, проявляем большую любовь, пытаемся убедить самих себя действовать с наилучшими надеждами, прибегаем к теплым молитвам, просим поддержки у ближайших и сильных друзей, - в какой-то момент неумолимая реальность опрокидывает все наши надежды. А вместе с ними крушит и нашу веру во все хорошее, правдивое, во все, во что имеет смысл верить, в действительную опору.

Наш ребенок уходит. Его нет рядом с нами. Нам не хватает его самого, его взгляда, запаха, прикосновений. Невозможность погладить его, поцеловать, обнять, прижаться лицом к его лицу похожа на нашу собственную смерть. Нам не хочется жить. Отсутствие его голоса, улыбки, выражения его лица, его жестов разрывает наше нутро. Потерю нельзя возместить. Эту пустоту не могут восполнить другие наши дети, которые, естественно, ни в чем не виноваты и которых, конечно, мы не меньше любим. Каждый из них незаменим и получает полноту нашей любви и самых благородных чувств.

К нам много кто приходит, чтобы с большой любовью поддержать, пуская в ход множество мудрых доводов, чтобы вернуть нас и наши мысли опять к жизни, ко всему остальному; чтобы немного осветить нашу непроглядную тьму. Мы благодарны им за их любовь, заботу, поддержку, но наш груз не становится легче. Ничто из этого не касается нас, не приносит утешения в нашей трагедии. Необходимо нечто другое. Претерпел

изменение весь наш внутренний мир. Наш горизонт омрачился. Мы ждем откуда-нибудь хоть небольшой надежды, хотя бы малой опоры, чтобы как-нибудь зацепиться. Мечемся между иллюзиями и истиной.

Некоторые называют нашего ребенка ангелочком. Они делали это и при жизни, желая передать сладость его присутствия и нежность его красоты. Но сейчас они говорят это по-другому. Может, они называют его так, чтобы утешить самих себя или чтобы поддержать нас? Или, может, подразумевают, что он продолжает жить, невидимый для нас подобно Ангелам? Что он перешел в жизнь лучшую и более высокую, чем наша человеческая, материальная? Что он видит нас и продолжает тайно общаться с нами? Что сейчас у него более родственные отношения с Богом, чем с дебелистью человеческой природы? Что он оставил одежду временную и облачился в одеяние вечное? Что он избежал уз тления и живет уже в мире «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная»?¹

Нам говорят, что он находится рядом с Богом. Откуда им это известно? Они знают? Чувствуют? Или воображают, или говорят, чтобы утешить нас? Что происходит, в конце концов? Где правда? Как бы нам хотелось чувствовать, что наш ребенок жив, что находится в состоянии несравненно лучше того, в котором он пребывал с нами, что он как-то общается с нами, слышит нас, видит, наблюдает за нами! Возможно, его связь с нами теперь более прочная, чем прежде, возможно, он ближе к нам, чем тогда. Может, он действительно сейчас пребывает в покое и тишине. Наша любовь к нему была сильной, но человеческой, ограниченной. А сейчас наша связь таинственная, и она открывает дверь в тот мир, где только духовное восприятие позволит нам вновь встретиться с обожаемым ребенком, хотя и в ином виде. Не таким, каким мы его знали, но таким, каков он есть сейчас - не подверженным тлению, болезни, где уже не будет опасности, что он уйдет от нас, что мы его потеряем.

Потаенная истина

Несколько лет назад ко мне подошла молодая женщина. Она трагически потеряла ребеночка, а через несколько часов и мужа. Ее связь, особенно с ребенком, была на редкость яркой и сильной. Она не могла даже и представить себя без своей девочки. В ней было ее счастье, да и вся ее жизнь. И девочка, столь милая, не по годам зрелая, необыкновенно умная, с нежной и притягивающей ласковой речью, с добротой и обезоруживающей невинностью, сама того не желая, создавала и укрепляла свой союз с матерью.

¹ Из панихиды. Кондак, глас 8-й.

Совершенно точно, что в их отношениях была чрезмерность, возможно, даже патологичность, но отношения были сильные и по-человечески вполне оправданные.

Прошли похороны. Мать находилась в душераздирающем состоянии и в полном смысле слова не могла примириться с этим событием. Опьяненная лекарствами, растерзанная горем, она пребывала в совершенном бреде. Ее посетили сотни людей, чтобы выразить свои соболезнования. Одни молча, другие механически произносили слова утешения, третьи - в соответствии с установленным церемониалом, но все глубоко взволнованные, тронутые ее горем. Во всяком случае, большая их часть прошептала ей что-то на ухо с состраданием. Сама она, казалось, не могла ничего слышать, да и не понимала многое.

Ей хотелось, чтобы и ее жизнь закончилась, но она не находила способа, как ее прервать. Уехала куда-то на несколько недель, чтобы забыться, но это не получилось. Удалилась, чтобы отдохнуть, это ей относительно помогло. Попыталась встать на ноги, но ей неоткуда было черпать надежду и перспективы. У нее не было веры, она не была научена общению с Богом, приучена к мысли о другой жизни, к атмосфере иной логики, к действительности иного мира.

У нее не было возможности за что-нибудь зацепиться, хоть где-нибудь найти немного правды.

Прошло три месяца. В какой-то момент в ее сознании всплыло, что в день похорон, среди множества растерянного люда, один давнишний ее друг прошептал в ее неспособные тогда слышать уши:

- Знай, Анастасия жива.

Три месяца спустя в ней ожили эти слова. Они оживили в ее внутреннем мире и нечто неизвестное ей самой - надежду... Она начала задаваться вопросом о смысле этих слов, тщательно задумываться об их истинности, искать убедительные доказательства, а не теоретические и неясные душевные утешения. Когда какой-нибудь ребенок уходит из этого мира, он продолжает жить? И если да, где он находится и как можно с ним общаться?

- Отче, я хочу умереть, - повторяла она мне, - чтобы встретиться с Анастасией. Мне очень не хватает ее. Я испытываю сильнейшую скорбь. Не могу этого выносить. Поймите меня.

- Возможно, мои слова покажутся дерзкими или очень уверенными, - отвечал я, - но я думаю, что тебе станет легко только в том случае, когда ты захочешь уйти из этого мира, чтобы встретиться в первую очередь с Богом. Если нет Бога, ты не встретишь и Анастасию. Но если есть Воскресший Бог, то в Нем ты испытываешь большую необходимость, чем в своем ребенке. Он нужен тебе вместе с твоим ребенком. Он покажет тебе Анастасию еще в этой жизни. Что лучше - быть вместе навсегда вдвоем в мировом ничто или чтобы с вами навеки был Бог? Возможно, твоя дочь станет для тебя матерью. Та, которую ты родила биологически, родит тебя духовно. Та, которой ты подарила жизнь, воздаст тебе благодеянием, преподнося тебе истинную Жизнь. Та, о которой ты думала, что ты ее потеряла, свяжет тебя с ее сегодняшним истинным миром. Та, которую ты называешь сентиментально ангелочком, чтобы утешиться, станет для тебя ангелом духовным, чтобы просветить тебя.

По большому счету, нам важно не где наш ребенок, но то, есть ли он, жив ли он, существует ли он и как он, в каком положении находится.

Мне бы хотелось упомянуть еще один случай.

Родители - убежденные защитники жесткого мнения, что все заканчивается здесь. Их ребенок страдает множественным пороком сердца. Медицинский приговор: ребенок уйдет, самое позднее, в подростковом возрасте. Поездки в Америку, сменяющие одну за другой попытки, апробация современных терапевтических схем показывают, что медики бессильны остановить события. Положение ухудшается.

Ребенок отличается острым умом. Первый в учебе, самый популярный и уважаемый в классе, редкий по своей скромности и смирению. Пишет сочинения и стихи, свидетельствующие об исключительном таланте и чуткой душе. Однако по всему видно, что этот хрупкий биологический сосуд имеет очень ограниченные временные рамки.

Мальчику исполняется двенадцать лет. Его природный ум, а главным образом, чуткое сердце дают ему понять, что скоро его дыхание в этом мире остановится. Он делится своим чувством с родителями, настроенными по отношению к любой мысли о вере резко отрицательно. Родители шокированы. Они пытаются утешить его ложью, словами с неубедительными доводами: «не преувеличивай, все будет хорошо». В сущности, они отказываются принять этот факт и вступать в диалог с ним. Мальчик совершенно спокойно говорит о другой жизни, о Боге, о тщетности этого мира, о том, что нам всем необходимо задумываться над тем, что смерть - это переход к действительной бесконечной жизни. Отец возмущенно запрещает беседу в таком духе и на таком языке.

- Если бы Бог был, то Он бы исцелил тебя сейчас.

- Если бы был такой Бог, о котором ты говоришь, я и не заболел бы вовсе, - отвечает ребенок.

Мать, более мягкая, кажется, что относится с уважением к мнению ребенка и хранит молчание.

Положение осложняется. Родители разводятся. Отец уходит из семьи, исчезает. Ребенок постоянно говорит о другой жизни. Мать обычно плачет. Пойманная в сети теорий атеизма,

она просто терпит мнение ребенка. Его жизнь потихоньку угасает. Он уже доживает свои последние мгновения на этой земле. У него начинается легочная гипертензия. Дыхание постепенно ослабевает. Мать держит его в своих объятиях.

- Ах, Боже мой, я не могу больше, - бормочет он.
- Что? Боже мой? Бога нет, - говорит с негодованием мать.
- Есть, мамочка, - шепчет ребенок и выпускает дух.

Со своим последним вздохом ребенок приносит своей маме дыхание из другого мира. Он представляет ей уверения в том, что он теперь находится уже в ином, благословенном, своем состоянии.

Подозрение о тайном присутствии

Не могу удержаться от искушения привести здесь два впечатляющих и откровенных случая из моего четырехлетнего опыта работы в Бостонской детской больнице. На меня оказало сильное воздействие не столько техническое оснащение и научное совершенство этого учреждения. И не столько поражающие и гениальные достижения тамошних врачей, даже не действительные воскрешения из мертвых маленьких детей, происходившие на моих глазах и в большом количестве, не гармоничное сотрудничество подразделений психологической поддержки, администрации и удивительного медицинского персонала. Но множество волонтеров, принимавших активное участие в жизни больницы.

Там я познакомился с госпожой Василией, которая открыла мне глаза на истину, на жизнь грядущую, убедила меня в красоте и силе иной логики, расширила горизонт моих надежд и перспектив. Там я видел дела человека, страстно боровшегося, чтобы с нами оставались, в лучших условиях и на большее время, дети, эти ангелы, хотя она умела общаться с ними и после того, как останавливалось их нежное сердце. Она одинаково сильно духовно переживала и то успокоение, что получали они в вечной жизни, и борьбу за их повседневную жизнь. Она никогда не утешала стандартными словами, не поддерживала советами и рецептами. Она совмещала переживание глубокой боли с опытом живой надежды; явную и подлинную радость - с постоянно заплаканными глазами; красноречие молчания - с насыщенностью лаконичного слова, любовь к этой жизни - с великой верой в иную.

За четыре года моего сотрудничества с ней через ее руки прошли более ста деток из Греции, все с очень серьезными заболеваниями. Тяжелые пороки сердца, анатомические дисплазии, редкие виды и сложные в прогнозировании злокачественные опухоли, не поддающиеся диагностированию системные заболевания заставляли маленьких детей с родителями отправляться в далекую Америку в отчаянных поисках хоть малой надежды и крупинок жизни. Подвижный ум госпожи Василии легко переходил от подробностей к событиям, от сегодняшних случаев - к старым. Она обладала невероятной способностью удерживать в памяти тысячи имен и почти никогда не забывать их. Эта женщина с легкостью вмещала в свое сердце сотни детей, множество родителей, радости, скорби, внезапные смерти, неожиданные повороты в развитии событий, имена - всё.

Маленькая Михалица со множественным врожденным пороком сердца боролась за жизнь.

Прежде чем ей исполнилось три года, она перенесла пять сложнейших операций. Вся больница боролась за жизнь этой девочки. Тридцать один день на аппарате искусственной вентиляции легких. Четыре неудачные попытки отсоединить девочку от аппарата. Хирурги, кардиологи, медперсонал, родители и госпожа Василия были не в силах остановить отрицательную динамику развития болезни. Знание, искусство, прекрасные лечение и уход, скоординированные действия десятков людей, преизобилующая любовь, бесконечные молитвы не могли заставить легкие работать самостоятельно. Ее организм героически боролся с болезнью. Весь больничный мир наблюдал как зритель, проявляя деликатную солидарность, ее неравную, но упорную борьбу.

Понедельник 12 декабря 1987 года. Рано утром я отправился в реанимацию, чтобы увидеться с Михалицей. Нашел ее в теплых объятиях госпожи Василии. Трогательная картина. Маленькое утомленное тельце отдыхает в самом теплом объятии этого мира. Тело обмотано проводами, сердце связано с другим миром. Вокруг - пальмографы, современные аппараты, несколько кукол. Сверху на девочку стекают скудные слезы, свидетельствующие об очень чистой, подлинной любви. Вскоре Михалица возвращается в свою кроватку. Госпожа Василия выходит в комнату ожидания.

- Думаю, что сегодня Михалица покинет нас. Происходит нечто странное. У меня есть горшок с кустом хризантемы, и часто случается так, что, когда кто-нибудь из деток взлетает к небесам, на нем распускается одна хризантема. Это повторялось многократно. Я держу цветок рядом с иконами, чтобы не забывать покинувших нас деток. Сегодня совершенно неожиданно для меня на нем распустились четырнадцать хризантем - по числу умерших деток. У меня есть чувство, что они готовят ей прием.

Она умолкла. Из ее глаз текли слезы.

- Почему ты плачешь, госпожа Василия, - говорю я ей, - ведь ты веришь в то, что дети не умирают.

- Я плачу не о Михалице, но о нашем мире, который становится беднее в улыбке, лишается невинности, теряет в нежности. Плачу о родителях, у которых опустошается жизнь, им предстоит испить последнюю каплю страданий, и мы не можем ничего сказать им в утешение. Но я утешаюсь, думая о том, что Престол Божий украшается этими чистыми душами. Самые лучшие свои молитвы я возношу даже не святым, а своим четырнадцати ангелочкам, своему духовному букету...

Мы посидели некоторое время. Вскоре пришли родители Михалицы. Госпожа Василия отозвала маму в сторону и сказала ей:

- Мне кажется, что Михалица вот-вот уйдет от нас. Пойдем, возьмешь ее на руки.

- Я боюсь, - ответила мама.

- Не бойся, лучше, если ее дыхание угаснет в твоих руках, чем в кровати. Это лучше и для тебя и для нее. Ты будешь помнить это всю жизнь. Так вы сможете быть вместе.

Повернулась ко мне и сказала шепотом:

- Вот странная вещь! Детишки, даже младенцы, и те, что в коме, выбирают для своего ухода момент, когда они находятся в объятиях мамы или в дежурство своей санитарки. Более девяноста процентов.

В этот момент стали постепенно снижаться удары сердечка малышки. Через двадцать минут она упокоилась. В следующий раз должны расцвести пятнадцать хризантем. Иной мир очень мягкий и нежный. Блаженны те, кто тонко чувствует его ласку. Блаженны те, кто, преодолевая земные границы, может наслаждаться лаской вечных его жителей. Блаженны те, кто испытывает на себе их утешительное присутствие.

Госпожа Василия жила и живет до сегодняшнего дня в боли и преизбытке любви. Все свое время она отдает детям в больнице. Всю свою надежду возлагает на деток на небесах. Вся ее жизнь наполнена элементами детства. В пятьдесят два года у нее появилась детская болезнь. Медики, обследовавшие ее, поражались. А те, кто знал ее духовно, удостоверились в своем впечатлении о ней. Совершенно неожиданно у нее появилась гемангиома на лице, и никто не мог ей помочь. Ее обследовали все знакомые врачи, даже... педиатры. Однажды расцвела хризантема в горшке, в этот раз на нем было пятнадцать цветков. Госпожа Василия помолилась своей любимой небесной семье. В тот же день ей позвонили родители шести последних детей, стремление которых к небесам оказалось сильнее родительской любви к ним. Конечно, они не договаривались друг с другом, ведь они даже не были знакомы. Через несколько часов гемангиома исчезла.

Смерть уже не имеет... власти (Рим. 6, 9)

Все это подлинные случаи, несущие в себе столько истины... Сами по себе они проливают слабый свет, но не на прошлое, а на благословенное, хотя и неизвестное для нас, настоящее. Нам не принесут утешения ни сильные доводы, ни чрезвычайно приукрашенные иллюзии, ни психологические уловки, ни человеческая любовь. Все это или само по себе недостаточно или обманчиво. Истинное утешение - сами наши дети, но это не в том случае, если мы будем вспоминать их такими, какими они были, но если мы узнаем их такими, какие они есть сейчас.

Существуют три великие истины, просвещающие наши души.

Первая заключается в том, что дети, преждевременно ушедшие из жизни, живы, а не потеряны где-то в пустоте или в небытии.

Вторая состоит в том, что Бог - это не отвлеченная идея, не неопределенная сила, не человеческое изобретение, Он существует реально, Он жив и истинен. В земной жизни Его можно узреть лишь в отражении, а дети видят Его *лицом к лицу* (Быт. 32, 30; Чис. 14, 14; 1 Кор. 13, 12).

И третья истина в том, что нам, с нашей природной дебелистью, трудно общаться с детьми, однако они способны давать нам ясные знаки, свидетельствующие о вечной жизни.

Вопрос: «Где находятся наши маленькие ангелы?» столь сильно ранившие нас своей любовью, возможно, не нуждается в ответе. «Где?» - не так уж важно. Смысл имеет реальное ощущение того, что они живы, возможность духовного общения с ними и перспектива встречи с ними в вечности.

Совершенно точно, что в наши дни верить становится труднее, все подвергается сомнению, вероятно, поэтому боль родителей так невыносима, смерть более различима, чем жизнь. Действительно можно сойти с ума, если думать, что смерть - это непреложный конец. Ужасные мучения приносит переживание смерти как окончательной разлуки. И сколь утешительно, когда смерти, причиняющей такую сильную боль, сопутствует вера в то, что смерть ведет к подлинной жизни. Если мы не можем передать восточку нашим детям, будем слушать их известия к нам. Тогда их смерть не будет ни мрачным концом, ни темной разлукой. Она будет сном и светом. Она преобразит наших биологических детей в наших духовных возродителей.

Обострение духовного слуха кроме утешения верой дарует нашей душе просвещение и радость тайного диалога с покинувшими нас детьми.

НА ГРАНИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Большее и величайшее любви

Жизнь в больнице похожа на колебания маятника. Сегодня я живой свидетель невероятной борьбы, которую ведет группа врачей за жизнь маленькой, двух с половиной лет, девочки Маргариты с острова Лерос. Кардиологи, реаниматоры, хирурги, медперсонал, группа технической поддержки, все ведут сверхчеловеческую борьбу, чтобы как можно дольше билось маленькое сердечко с одиннадцатью врожденными пороками. Если этого не произойдет, разорвутся сердца стольких людей.

Шесть проведенных операций не смогли подарить девочке здоровье и дать надежду на продолжение жизни. Не принесли облегчение родителям, томящимся день и ночь в больницах, слышащим иностранные языки, которые они не понимают, научные толкования, которые превосходят их познания, постоянные медицинские предложения, которые не приносят ни малейшей уверенности, только сплошные вероятности - «посмотрим», «может быть», - только неопределенность. Они не смогли удовлетворить мир, выражающий человеческую душу и способность к величайшему напряжению.

Доктор Алдо Кастанеда из Гватемалы, светлокожий и худощавый высокий человек, исполненный достоинства, именуемый магом, лучший детский кардиохирург в мире, не дает больших надежд. Вчера, после операции Маргариты, спускаясь по больничной лестнице, я увидел его одного на лестничной площадке, задумчивого и печального, рукой он опирался на край окна, а головой прислонился к стене. У него не было сил признать свою неспособность даровать жизнь этой маленькой девочке из Греции. К тому же он не особо привык терпеть поражения. У него редко умирают дети. Человек творит чудеса! Очень решительный, непостижимо изобретательный, положительный и постоянный, вместе с тем необычайно благородный и деликатный в обращении, удивительно нежный и скромный для хирурга.

- Доктор, как дела? - спрашиваю я. - Как вы чувствуете, есть хоть какая-нибудь надежда?

- По-человечески мы сделали все, что могли. Но кажется, что этой девчужке сложно умереть, она так борется за жизнь. Во время операции она трижды чуть не скончалась, но справилась. Будто Бог не хочет ее на небесах.

Я понял, что, несмотря на наше противоположное тому всеобщее желание, пожалуй, в конце концов уступит Бог и откроет ей дверь. Если Кастанеда не справится, тогда и Бог уступит! Я спустился по лестнице и направился в реанимацию. Восемнадцать кроваток, расположенных по радиусу, каждая со своей медсестрой, с самым современным оборудованием, с явной или скрытой борьбой, бесконечными и теплыми молитвами, с земными ангелами, пребывающими в борьбе и невидимыми небесными спутниками. В центре группа контроля. Целый штаб, в совершенстве обученный, с тщательно отобранным персоналом, возможно, лучшим в мире, видит ежедневно, каждый момент, как жизнь обменивается священными поцелуями со смертью, и Ангелов Божиих, затрудняющихся взять в свои крепкие объятия Его деток. Они делают это с очень тонкой, подлинной болью и всепроникающей надеждой. Боль и тревога, радость и ожидание сосуществуют в величайшем напряжении.

В больнице понимаешь, какую ценность имеет здоровье, что значит жизнь, сколь мал человек сам по себе и сколь великим он становится с Богом. Человек бессилен, даже в достижениях научно-технического прогресса, в своей гениальности. Человеческие чудеса мизерны. Бог представляется великим даже... в смерти, в Его кажущихся поражениях и неудачах. Жизнь, подаренная человеком, всегда завершается смертью, смерть, попускаемая Богом, всегда ведет к вечному состоянию и жизни.

Маргарита не смогла перенести тяжести времени, поспешила ускользнуть в нежность вечности. До нее едва дотронулась тучность этой жизни, она не успела вкусить ни радости, ни горечи, лишь боль и человеческая любовь успели коснуться ее, а время - только погладить.

Она оставила лучшим врачам смирение от неудачи, сознание несовершенства «чудодейственной» техники. Оставила родителям и всем тем, кто ее знал, боль, мучительные вопросы, на которые нет ответа. Оставила, кроме того, и подозрение о некоем Боге, отличном от того, как Его представляют неправильные человеческие религии, рожденные от черствой логики. Оставила внутреннее убеждение о Боге, о Котором нельзя сказать, что Он забирает людей, чтобы лишить их жизни, но Который встречает людей, чтобы подарить им настоящую жизнь.

У изголовья мертвой Наташи

Бывают моменты, когда ничтожная грань между правильным выбором и ошибкой, внутренняя борьба и сомнения подчеркивают бессилие человека, но одновременно отмечают и его величие. Там способность к чему-то великому и доброму встречается с человеческой неуверенностью в чем-то точном и общепризнанном. Там перекрещиваются гениальность природной любви с застенчивостью духовного уважения. И они крепко обнимают друг друга, как душа и тело, как мысль и ум. Там человек представляется как

молчание и слово, как тайна и откровение, как падение и восстание. Там ткется из тонких, незаметных для человеческой логики нитей плетение милости Божией и проявляется чуждым, непривычным для человеческой природы образом Его удивительное благоволение.

Предмет, вызывающий у человека восторг и в то же время чрезвычайное затруднение, - это трансплантация органов. Действительно, замечательное достижение: пересадить органы от одного человека другому и убедить организм принять чужой орган как свой! Удивительная возможность таким гениальным способом даровать жизнь людям, участь которых предрешена!

Однако на этот счет имеется множество разных суждений! Как возможно, чтобы часть тела, ипостаси, одного человека: почка, кожа, кишечник, печень или сердце, - стала частью другого человека, частью, выражающей его личность? Как можно пересадить от одного человека другому семь или восемь органов вместе - почки, печень, поджелудочную железу, тонкий и толстый кишечник, желудок, изменить неким образом тело и при этом оставить без изменения личность человека! Насколько наша духовная ипостась связана с телом? В итоге то, что делается, - уважение или беззаконие? Благословение или наглость? Может, мы непозволительно вторгаемся в область сакрального? Даруя биологическую жизнь людям посредством такого вмешательства, мы тем самым лишаем человечество элементарных составляющих духовной жизни? Под предлогом любви не исполняем ли мы дерзостью, превозношением, неконтролируемой выгодой, пристрастными решениями?

Бывает, что орган для пересадки берется у человека, у которого установлена смерть мозга, у мертвого, который... жив, у мертвого, который дышит, у мертвого, который не похож на мертвого, но которого называют мертвым врачи, закон, общество. В этом случае не нарушаем ли мы своими самонадеянными заявлениями, уничижающими духовный план, священную тайну смерти, которая как событие выходит за рамки нашей логики? И опять же, как можно в момент борьбы за жизнь одного человека, когда мы хотим, чтобы он дольше оставался с нами, с поспешностью и надеждой о ком-нибудь другом взять у него органы, допуская, что радость о жизни получателя органа сотрет нашу боль о смерти дающего его?

Но дыхание у того, которого мы принимаем за живого, не механическое ли движение грудной клетки? Свидетельствует ли биение сердца о его работе? Может, душа уже отделилась от тела, а мы, малодушные, со своим страхом, схоластичными вопросами, чрезмерной зависимостью от временной жизни и непосредственной связью с этим миром, мучаем тело безнадежно, бесперспективно, напрасно?

Звонит телефон. На проводе заведующая Генеральной государственной больницей. Она сразу переходит к делу. У одной девятнадцатилетней девушки по имени Наташа случился обширный инсульт и диагностирована смерть мозга. Были сделаны необходимые повторные исследования, и, к сожалению, все подтверждает тотальную гибель головного мозга. В больнице Онасио молодой человек в отчаянии ждет сердца. В списках для пересадки почек и печени - около тысячи имен. Мы стоим перед дилеммой: или через несколько часов произойдет разложение органов Наташи или пересадка их подарит жизнь на многие годы примерно девяти людям.

Была сделана осторожная попытка заговорить с родителями о донорстве органов. Но как, вдобавок к невыносимому горю, возложить на них решение и этой неподъемной задачи? Как в том смятении, в котором они пребывают, оказывать на них давление и требовать, чтобы они незамедлительно ответили на вопрос, требующий знаний, хладнокровия, душевных сил, времени, чистой совести. Кто может помочь и дать правильные и уверенные ответы на возникающие вопросы?

В этой напряженной атмосфере родители просят мнения Церкви. Этим вызван звонок заведующей ко мне. Очень скоро я оказываюсь в кабинете вместе с родителями, заведующим отделом реанимации, еще одним врачом и заведующей больницей. Сильное

напряжение. Вначале краткое молчание. Я беру инициативу выйти из этого затруднительного положения.

- Что в точности происходит с Наташей? - спрашиваю я врача.

- К сожалению, у нее наступила смерть мозга, - отвечает он сухо не от жесткости, а от психологической озабоченности и сложности положения.

- Почему вы говорите, что у нее наступила смерть мозга, а не просто, что она умерла? Может, она жива?

- Живы некоторые ее органы, поддерживаемые при помощи аппаратов, а головной мозг умер по причине кровоизлияния, - продолжает врач.

- Что это означает? - спрашиваю я вновь.

- Это значит, что она не чувствует, не понимает, не испытывает боли и, что самое худшее, не может вернуться к жизни. Если резать ей ногу пилой, она не будет реагировать. Если направить на нее сверху сильный пучок света в темноте, ее глаза не почувствуют разницы. Ее мозг уже начинает разлагаться. Те ее органы, что работают, работают лишь при помощи аппаратов. Но очень скоро и остальные органы постепенно начнут разлагаться. Я бы сказал, что она мертва.

- Почему вы говорите «я бы сказал» и не говорите просто «она мертва»? Нет ли в этом некой неясности?

- Эта неясность происходит от внешней механической картины, ведь она дышит и ее сердце стучит.

- И вы уверены, что она не сможет вернуться к жизни?

- К сожалению, мы в этом уверены, потому что есть шесть тестов, с помощью которых мы это диагностируем и подтверждаем, все они должны совпасть, и мы обязаны повторить через несколько часов исследование, чтобы подтвердить его. Никогда не случалось, чтобы приходил в себя тот, у кого правильно была диагностирована смерть мозга.

Нас прерывает мать, говоря:

- Сейчас надежда только на чудо.

- Да! Только на чудо, - отвечает в растерянности врач, поддерживая, однако, этими словами некие ошибочные надежды.

Воцаряется молчание, которое вскоре я прерываю своей репликой:

- Какого рода чудо? Воскрешение мертвого или исцеление больного?

- Воскрешение мертвого, - отвечает врач явно с облегчением от представившейся возможности выйти из тупика, вызванного ранее сказанными им словами.

Снова озадаченность и молчание.

- Хотите, я прочту молитву? - спрашиваю я робко.

- Конечно, отче, - отвечают в один голос несчастные родители.

«Возможно, у них есть еще надежда», - подумал я. И как не иметь ее, когда они видят, что их ребенок дышит, пусть даже механически, когда они слышат удары его сердца, когда они целуют его, и он еще теплый, когда его внешний вид не отличается от того, что бывает в коме. Очень просто поддаться логике: «а может, сделана какая-то ошибка», «может, произойдет чудо», «еще немного...» - допустить любые другие оправдания.

Ведь это так естественно: врачу мы доверяем больше тогда, когда он дает нам надежды на выздоровление, чем когда он их развеивает.

В нервном напряжении мы молча идем по коридору. Будто ожидаем окончательного ответа. Между тем я думаю, какую же молитву я буду читать. О здравии? Но я не уверен, что она еще не умерла. Чувствую, что, пожалуй, она уже мертва и мы с помощью аппарата искусственной вентиляции надуваем и сдуваем ее легкие, принося, таким образом, ей воздух, а себе продолжение мучения. Это моменты, когда понимаешь, что наука и современные технологии даруют жизнь, но они же порой ведут к безысходности.

Прочсть молитву на разлучение души от тела? Не подходит, она не в агонии. Прочсть литию об упокоении? Но я и в этом не уверен, да и родители еще не готовы к этому.

Приближаемся к кровати. Наташа опухшая, черты лица искажены, тяжело дышит. Мать припадает к неспособному ни на что реагировать, обессиленному телу своей несчастной дочери, отец становится на колени. Врач - удивительный человек - привыкший к подобным случаям, но совершенно не потерявший чуткости, наблюдает, явно глубоко тронутый происходящим. Вокруг иконки. Все, каждый своим особенным, но неведомым мне образом, ждут, чтобы я прочел молитву. Я выбираю молитву в требнике и в середине вношу в нее изменения от себя. Я не могу обманывать ни Бога, ни себя самого, не могу задушить и родительскую надежду. Просим у Бога, чтобы Он покрыл жизнь Наташи, не оставил ее в этом кризисном состоянии, а нам даровал сил принять Его волю и просветил, помог разрешить поставленную дилемму со смирением, уважением и верой.

Читаю отпуст и снимаю епитрахиль. Мать, поворачиваясь к мужу, говорит:

- Думаю, что надо дать органы. Возможно, что в этом случае мы неким образом продлим ее жизнь и проявим любовь к другим людям, подарим им жизнь. У меня есть такое чувство, отче.

Со слезами на глазах отец тоже делает знак, что он согласен. Такое решение преображает их, укрепляет, придает нечто героическое их внешнему виду. Теперь желание родителей, чтобы их ребенок жил, преображается в напряженное желание, чтобы жили другие.

Я попрощался с ними и ушел. Ушел глубоко взволнованный даже не столько решением родителей, сколько силой человеческой природы. На мне не было никакой ответственности за их решение. Я не повлиял на него ни положительно, ни отрицательно. Они сами его вынесли. Просто я был с ними в очень сложный момент.

Через несколько дней они попросили меня о встрече. Я принял их с большой радостью. Это были люди настрадавшиеся, благородные, исполненные достоинства, с чувствительной совестью...

Насколько велика любовь! Ведь можно дать жизнь от своей смерти или от смерти своего очень близкого человека! Можно продлить жизнь другому, незнакомому тебе человеку. Можно поделиться своим телом с другим! Преподнося в дар часть своей ипостаси, человек может нести свою любовь, даруя жизнь неизвестному ближнему, который иначе не имеет шансов на жизнь! Уходя из этого мира, человек как бы бросает свою ми-лоть¹, как когда-то пророк Илия - Елисею, чтобы Елисей твоей любви продолжил использовать ее благодать. *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13).

В вопросе пересадки органов уважение к донору борется с объятием человека, принимающего орган; дар жизни, который не является нашей собственностью, - с приношением любви, которую мы должны всем.

Кажется, что первое очень велико и потому сдерживает нас. Однако второе - большее и ведет к благословенному согласию. Потому-то самой большой личной дилеммой является

¹ плащ

не то, должен ли кто-то стать донором, а то, должен ли кто-то согласиться стать получателем органов.

ЧЕРНАЯ ГОРА В ГРАММАТИКО

Бескрайняя могила

Воскресенье 14 августа 2005 года. Канун Успения Божией Матери. Вся Греция взбудоражена. Кипр в который раз погружен в траур. Самолет, вылетевший из Ларнаки в Афины, оказавшись в неуправляемом полете, после нескольких часовых блужданий врезается в Черную гору, в Грамматике Совершенно не важно, по какой причине, кто в этом виноват, как это произошло. Важно то, что сто двадцать один человек, все вместе, в этот день, совершенно несправедливо и трагично, испустили дух в одном из уголков Аттики.

Я узнал о событии и отправился с разбитым сердцем к месту происшествия. Приехал в 13.50, немногим меньше чем через два часа после трагического происшествия. Быстро стал продвигаться вглубь. Мне не хотелось, чтобы на меня смотрели как на официальное лицо. Неизбежно, однако, случилось и это. Подошли координаторы, чтобы сообщить мне информацию. Я нашел способ, чтобы они не особо занимались мной. У меня было убеждение, что там, наверху, я был самым ненужным человеком. Мне не хотелось становиться к тому же и наибольшим вредителем. Впечатлял размах оперативной работы. Десятки машин скорой помощи, армейские, полицейские и пожарные подразделения, множество народа, настоящая паника. Перед нами обломки самолета, дым и огонь, вспыхнувший по непонятной причине, самолеты и вертолеты в напряженной попытке потушить пожар. Сверх того, разбросанные трупы, и будто было мало того, что они обезобразились от удара, они должны были превратиться в пепел. Человеческие тела не только мертвые, но в полном смысле слова истребленные, не только неузнаваемые -от них почти не осталось следа.

Как только нашел возможность, я сел поодаль. Проходили часы, а пожар не затухал. С ним боролись немногие - особые службы на земле и летчики с неба. Остальные были зрителями. Один из них я. Все остальные были готовы, как только будет дано указание, помочь. У меня не было никакого повода присутствовать там. Я ничем помочь не мог. Но я чувствовал пожар внутри себя. Мои эмоции были разорваны в клочья. Скорбь, боль, жалобы. Мысль терзается, с одной стороны, от попытки осознать параметры трагедии и, с другой - от мощных ударов требующих ответа вопросов. Моя вера опять под сомнением. Я сам позволяю это. Возможно, даже сам вызываю это состояние.

В пособиях по религии и в доминирующей системе знаний классический бог представляется или преступно отсутствующим, или сокрушительно ответственным, или, в конце концов, несуществующим. В первых двух случаях сходишь с ума от противоречий и осознания господства зла в мире: люди - это несчастные предметы, пассивные орудия в руках безразличного и, возможно, злого бога. В третьем - не можешь устоять от чувства ужасного одиночества, все мы трагически одни в этом огромном мире, невольные жертвы происшествий и совпадений, абсолютно беспомощные в бурном море трагичной случайности, с абсолютно случайным началом и неумолимо верным концом - неотвратимым как факт, не поддающимся контролю во времени и пространстве. Мы все умрем, но не знаем, как и где. Никто из нас никак не может проконтролировать ни один из параметров нашей смерти. Даже медицинское вмешательство действует на основе статистики и вероятности. И это делает конец еще более трагичным. Особенно если ему предшествовала прекрасная жизнь.

Где Бог? Кто есть истинный Бог? Как в случившемся можно видеть Бога? И если такового нет, почему трагичен наш конец? Почему трагична смерть с ее внезапностью, массовостью, необычным видом? Почему лучше угаснуть в свои девяносто пять лет во сне, чем закончить жизнь вместе со своими детьми и женой от столкновения самолета с горой? Трагично наше начало, трагична наша ценность, еще более мучительны наши мысли.

Но где-то должен быть Бог, хотя Его трудно разглядеть. Если здесь, в Грамматико, в данный момент нет истинного Бога, тогда Его нет нигде. Произношу про себя несколько слов молитвы.

В кармане у меня маленькие четки, я опускаю руку и, оставаясь для всех незаметным, позволяю своей душе пуститься в путь по колючим тропинкам настойчивой надежды в поисках небольшого утешения, а также достойного вопроса о целостности истины.

Пожар бесконтрольно распространяется. Ко мне подходит командующий операцией.

- Я рад, Ваше Высокопреосвященство, познакомиться с вами. Я столько о вас слышал. Меня особо трогает, что в такой день вы находитесь здесь, посреди пыли, тревоги, напряжения, боли.

Эта превосходная степень - «Высокопреосвященство» - показалась мне такой неподходящей, неблагоприятной, искусственной. Здесь перед нами человеческое бессилие в его крайнем проявлении, и мы употребляем в разговоре чрезмерные обращения и оглушающие термины?

- А где ж я должен был находиться? - осмелился спросить. - Я, господин..., хотите поймите, хотите нет, сознаю, что я здесь самый ненужный человек. Сажу и думаю: у пожарных есть задача потушить огонь, у полицейских - оцепить район, у солдат - бежать туда, где есть необходимость, у глав областной и окружной администрации - координировать действия, даже у журналистов - передавать новости. А я чем могу помочь? Совершенно ничем. Ясно, что мое присутствие бесполезно. Просто я сижу здесь, потому что не могу сидеть дома. Чем бы я мог заняться? Включить кондиционер и прохладиться, сидеть в кресле и по телевизору следить за тем, чем вы здесь занимаетесь? Я бы этого не выдержал.

- Да что вы говорите, Ваше Высокопреосвященство? Вы вдохновляете нас, придаете нам сил. Мы видим вас и укрепляемся.

- Меня может оправдать одно - и не то, о чем вы говорите. Людей невозможно поддержать ни словами и демонстрацией власти, ни даже присутствием. Их можно поддержать конкретными действиями. И это лежит исключительно на вас. Единственное, что я делаю - несколько слов молитвы о людях, жизнь которых совсем недавно оборвалась в этом месте. Несколько слов молитвы о всех родственниках, души которых раздираются в этот момент. О всех вас, которые сегодня, в воскресный день, накануне такого праздника, когда Афины совершенно пустеют, вместо того, чтобы побыть со своими детьми, видят неизвестные ужасающего вида, обезображенные трупы. Вместо того, чтобы сидеть дома, вы в поту и пыли постоянно ходите вверх-вниз по безрадостным холмам в остальном прекрасного Грамматико. Главным образом я нахожусь здесь для того, чтобы мне как епископу спросить у Бога: «Почему?» Со всей силой, что у меня есть, со всей жалобой, насколько я могу ее выразить. Ни вы, ни родственники, но я, епископ этой епархии, который говорит о любви Божией, о Его всесии, о Его справедливости. Где любовь? Где Его сила и Его справедливость? Здесь ничего не видно, кроме трупов и обломков. Поэтому я пришел сюда. Чтобы спросить: «Почему?» - но выражающее не противление, а веру и смирение.

Ужасная вещь! Попрошаться на аэродроме со своими любимыми близкими, отправляющимися на праздник Божией Матери. Перекреститься, чтобы все было хорошо. Не подозревать ничего плохого. Готовиться к празднику. И узнать, что какой-то самолет кипрской авиакомпании потерпел крушение рядом с Афинами. Первая твоя мысль, что, наверное, это произошло с каким-нибудь другим самолетом, ведь каждый день так много рейсов. Однако тревога начинает расти. Узнаешь, что это самолет той самой компании, которым вылетели твои близкие. Твоя тревога разрастается. Но у тебя есть еще надежда на то, что это другой рейс. Положение становится удушающе невыносимым, как только ты узнаешь, что номер рейса тот, который ты ни в какую не хочешь слышать. Тогда начинаешь бороться за невероятно малую надежду на то, что твои близкие остались живы, хотя это так

редко бывает. Думаешь: «Может, не все разбились». Матерь Божия поможет, разве это мыслимо в такой день?

Прошло около трех часов. Я должен был идти на престольный праздник. У меня не было никакого желания! Но, с другой стороны, я испытывал в этом острую необходимость! Моя человеческая природа, эмоции, логика боролись с верой, с иным представлением о Боге. Который прославляется Распятым, Который жив во гробе и из гроба Своего дарует жизнь, Который уболажает *плачущих* (Мф. 5, 4; Лк. 6, 21) и отдает предпочтение *последним* (Мк. 10, 31; Мф. 19, 30), пострадавшим от несправедливости и раскаявшимся грешникам. Который основал Свою Церковь на Своей Крови и Свое учение - на мученической крови Своих учеников, Кто, непрерывно открывая вечную жизнь, упраздняет по существу трагичность смерти.

Как я рад, что родился православным! Все это внутренне очень убеждает меня. В этом монополия православных учения, традиции и жизни. Нигде не найдешь даже похожей логики. Среди сумасшествия моих раздумий во мне рождается малое, но подлинное и непринужденное славословие. Слезы перемешиваются с небольшой надеждой. В мрачной темноте появляется слабый радостный свет. Все велико, но всего очень немного.

Следующий день. Аэропорт «Елевферий Венезелос». Прибывают родственники с Кипра и из Греции, чтобы опознать трупы. Трагичность продолжает довлеть над событиями, ни один след скорби не остается неохваченным. В одном помещении, оборудованном с большой любовью и заботой, более ста двадцати человек. Здесь примерно тридцать психологов, посол Кипра и ответственные по данному происшествию лица. Все находятся в состоянии невыносимого горя. Некоторые уже прошли через испытание опознания в морге, другие ожидают, когда придет этот необходимый и ужасный момент.

Меня извещает ответственный секретарь Министерства здравоохранения и просит, чтобы я вместе с двумя-тремя священниками поехал туда поддержать и облегчить страдания людей. Поддержка и облегчение страданий? Кто может это обеспечить? Что это за человек, знающий ответы и не открывающий их нам? Кто обладает возможностью собрать разорванного на кусочки, построить заново разрушенного, воскресить умершего? Как и почему эти люди ожидают чего-то от меня и Церкви? Но психологам еще сложнее. У священников есть возможность промолчать. Просто поплакать, выказать сострадание, выслушать, подарить любовь, произнести несколько слов молитвы втайне. Психологи обязательно должны говорить. Они должны что-то делать.

Сижу поодаль и позволяю душе оторваться от скорбящих людей и прислониться к вечно Распинаемому Христу. Прошло около трех часов. Все уже вернулись из морга. Все шокированы, раздавлены после бессонной ночи, сидят справа и слева, ожидая, когда придет время, чтобы возвратиться на Кипр и приготовиться к похоронам. Кое-кто нервно прохаживается. Другие рассеянно курят. Изредко слышны всхлипывания матери, потерявшей дочь, зятя и трех внуков. Немая боль. Такая сильная, что не можешь до конца осознать ее.

Несколько человек просят прежде вылета отслужить литию об упокоении. Психологи выражают беспокойство, вдруг это взбудоражит самых ранимых. Посол деликатно объявляет, что это для тех, кто хочет. Все тушат сигареты, все до единого встают и подходят к центру. Несчастные люди, они не прогневались на Бога! Ведь молитва не помогла нам до происшествия, почему она поможет сейчас, когда мы не можем проверить и ее результата? Лития начинается. Впереди стоят сестра второго пилота с его вдовой. Все подпевают с рыданиями. Самое худшее, что могло бы произойти, это если бы меня попросили сказать несколько слов. Эту ошибку делает директор кипрских авиалиний. Я воздерживаюсь, ссылаясь на то, что все мы рядом с ними не для того, чтобы утешать, поскольку сами безутешны, но для того, чтобы соболезновать, разделить хоть немного, насколько это возможно, их громадную тяжесть. Мне бы очень хотелось сопроводить их до Кипра, но с практической стороны это невозможно. Я пообещал прилететь на панихиду.

Панихида в кипрском городе Паралимни. Переполненная церковь. Через Царские врата видно в среде молящихся преобладание черного цвета. Шестнадцать человек из одного места - в могиле, в тот же час. Горе невыносимое, неопишное, без логического оправдания, духовно необъяснимое.

Направляемся на кладбище. Тысячи родственников, друзей и знакомых окружают покрытые цветочными горшками и цветами могилы. Траурное зрелище. Рядом одна с другой три могилы. В первой - супружеская пара с тремя маленькими детками, в соседней - другая молодая пара с двумя ребятами. И близ нее третья - с одним. Возле нее одна бабушка держит на руках внука двух-трех лет, который, пожалуй, никогда не сможет вспомнить дорогие образы родителей и братьев. Если я не ошибаюсь, все дедушки и бабушки, числом двенадцать, живы. Церковь поет: «Блажен путь, вонже идиши, душе, днесь, яко уготовася тебе место упокоения»¹. И если предположить, что это действительно для усопших, тогда что можно было бы спеть для оставшихся в живых?..

Я постарался как можно лучше отслужить панихиду. Моя мысль, вера, душа пытались найти свое место... упокоения. Очень сложно молиться в таких обстоятельствах. Как душе говорить с Богом, Которого не видно? События, действительность, логика, различные обстоятельства ситуации либо заставляют думать, что Бога нет, либо проявляют бога, который потерял контроль над миром, или бога тирана, властителя, отвратительного, такого, которого мы не хотим. А где же Бог, Который Любовь, где Вседержитель? Тот, Который Своим Воскресением сокрушил смерть? Тот, Которому мы сейчас хотим помолиться, чтобы Он нас просветил и укрепил, почему Он позволил это? Почему Он нам не отвечает? Где Он?

Большинство людей немного боятся этих вопросов и уклоняются от них. Некоторые с философской жесткостью и излишней надменностью ставят их, но делают это с кощунственной циничностью, не допускающей невинной постановки вопроса, которая только и дает возможность к просвещению. Родственники настолько разбиты, что у них нет сил даже задавать себе такие вопросы. Однако они живут в горьких, зловонных испарениях этих вопросов. Я не могу ни притворяться, ни давать легкие и непосредственные ответы. Но позволяю себе задуматься над этой проблемой. И, вместо того чтобы размышлять самому, есть ли Бог, и устанавливать Его свойства, я ставлю вопрос напрямую Ему Самому. Он даст мне Сам то, что мне нужно, и то, что я могу вынести. Признаю - я ничтожно мал, все мы ничтожно малы, стыжусь и молюсь.

Панихида закончилась. Молча мы направляемся выпить кофе. Кажется, что мое молчание немного усладило людей. Хорошо, что я не стал приводить красноречивых

¹ Прокимен из Чинопоследования погребения.

доказательств любви Божией, великолепных описаний Его Царствия и другие слова, которые наша Церковь произносит со смирением, а проповедники обычно повторяют их, не познав этого на опыте. Страшно, когда личный опыт подменяется размышлениями, сострадание - советами, испытание веры - богословскими мнениями. В тот момент, когда рушится все бытие и подвергается сомнению вера, больше всего нужны не пустые поучения о вере, но понимание безверия как очень естественного для человека состояния. Так я и поступил по отношению к людям и предпочел открыть свои уши и закрыть рот.

Ко мне подошла плачущая старушка. Она потеряла дочь, зятя и внуков. Для нее закончилась земная жизнь, красота которой оказалась фальшивой, а истина мучительной. Она обняла меня и с сильным чувством и верой поцеловала руку. Это движение говорит об очень многом. Не знаю, чего она ждет или что хочет сказать.

- Ваше Преосвященство, мне очень больно, я хочу уйти из этого мира. Я не нахожу места в нем. Я не в обиде на Бога. Совершенно. Он дает лишь хорошее. Не желаю и того, чтобы мои дети вернулись сюда. Но я хочу уйти. Может, это грех?

У нее был горестный вид, но он имел священный оттенок. В ней не было горечи, поскольку она обладала таинственным смирением, смирением с трагическим событием,

она принимала его как нечто непостижимо мучительное, но вместе с тем и простое. Казалось, что мое сердце, страдавшее от потрясения происшедшим, было более изранено, чем у нее, понесшей утрату близких ей людей. Смирненное принятие происшедшего смягчало глубину раны утраты. Смирение рождало в ней веру. И вера давала ей равновесие и спокойствие. Было видно, что от «ножевой» раны в сердце она только морщилась, и у нее текли слезы, но не кровь.

Я не ответил ни слова, но обнял ее и поцеловал в голову. Казалось, что ей этого хватило. Если бы я мог, я бы поцеловал ее в сердце. Она посмотрела на меня, пытаясь заглянуть в мою душу, взяла с благоговением мою руку и прикоснулась к ней губами.

- Бабуля, что я могу для тебя сделать? - осмелился спросить я.

- Ничего, сынок, только молись за моих деток и прошу твоего благословения, чтобы Бог забрал и меня готовой в нужный час.

- Тебя не ранит, что они ушли все вместе?

- Если они сейчас рядом с Богом, нет смысла, чтобы мы были вместе здесь. К тому же наши дети по большей части Его дети, а не наши. Может, теперь я больше люблю Бога. Стараясь быть рядом с Ним, я буду вместе со своими детьми. Так сказал отец Афанасий.

Многие подходили ко мне, чтобы дать имена для поминовения. Казалось, что больше им ничего не нужно. С поразительным духовным благородством они находили способы выразить мне свои любовь и признательность. Одна женщина, потерявшая дочь, сидела поодаль, она была неутешна. Мужчина средних лет, сильно загоревший, отпустивший к тому же и бородку, курил, погруженный в себя. Он бросил на меня ничего не говорящий взгляд и, когда я подошел к нему, сказал мне:

- Хочу поблагодарить тебя. Похоже, что люди любят больше, чем Бог. Желая тебе всего хорошего, хоть ты и человек... Божий!

- Не говори так, брат. Что-то другое происходит.

- Разве ты не видишь, владыка, что случилось? Как назвать то, что произошло с нами? Наше селение оделось в траур. Что это за Бог? Он не мог спасти этот самолет? У меня не было в нем никого из близких, но я на грани сумасшествия. Видишь всех этих людей? Зачем им жить теперь?

- В таком мире какой смысл и нам жить? -спрашиваю я его.

Действительно, если мир таков, как мы его требуем, с таким богом, которого мы понимаем, тогда нет никого смысла жить. Жизнь, которая заканчивается, бог, который подчиняется логике, мир, который объясняется рационально, не имеют смысла, да и не существуют, конечно.

В чем-то другом сокрыт секрет. Без Бога нельзя объяснить страдание. С ошибочным представлением о Боге опять же не находишь утешения. Более естественно смотреть на страдание через Бога, и тогда через страдание ты познаешь истинного Бога. Сколь велико то, что наша Церковь проповедует Бога Распятого! Насколько это достойно и истинно! Сколь революционно для нашей мысли и как переворачивает сознание! Исповедует Бога, Который для эллинов *безумие*, а для иудеев *соблазн* (1 Кор. 1, 23). Бога, добровольно побежденного, Которого не выдерживает рациональная логика. Бога, исповеданного жертвой стольких мучеников и торжествующего. Бога, Который гонимый оживает и умерщвляемый воскресает. Бога, создавшего человека по образу и подобию Своему, и они по своей воле разрушают сами себя, убивают друг друга, все вместе отпадают от Него. Он творит бессмертных людей, а они умирают; облеченных славой, а они выбирают бесчестие. Он приходит смиренно в мир и возвещает *на земли мир* (Лк. 2, 14), а Его пришествие сопровождается убиением тысяч безвинных младенцев вместо Него. Как объяснить это отвратительное массовое преступление? И если Ангел сказал Иосифу удалиться в Египет, то почему он не сделал нечто более доброе, чтобы спасти этих безвинных детишек от смерти, их родителей - от невыносимого горя и историю - от такого ужасного черного пятна?

На фоне будничного облика земной повседневности и тщетности событие, происшедшее в Грамматико, трагично, несправедливо и безысходно.

На фоне вечного предназначения каждого человека оно кажется простым. Тот, кто живет повседневностью, сходит с ума от того, что его близкие пропадают. Тот, кто желает вечного, по-человечески страдает, но утешается *паче смысла* (3 Цар. 4, 30), он видит, что его близкие в момент несправедливости прославляются, а в момент кончины становятся совершенными. Он ясно различает очертание Лица Божия. Через страдания, причиняемые видимыми факторами, он живет сладкой надеждой и чувством вещей невидимых.

КРЕСТОВОСКРЕСНЫЙ ИСХОД

Мне хочется ухватиться за вечность»

Часто я ропщу на Бога. Он сотворил мир, как говорит о том Священное Писание, *добра зело* (Быт. 1, 31), который, однако, если с ним столкнуться, разочаровывает. Властитель этого мира - диавол. Почему? Мне непонятно, почему Бог творит восхитительный мир, а в итоге в нем правят силы зла и темноты. Во всяком случае, когда при таком положении дел подобно молнии появляется малое количество, но великих людей, как случается так, что и они подвергаются гонениям, горестям, а зачастую и умирают молодыми. Боже мой, почему Ты так с нами поступаешь? Почему среди этого безутешного нашего жития так болезненно Ты отнимаешь и столь малое наше утешение? Как можно соотнести это с Твоей любовью? Как можно оправдать это Твоей всеисильностью? Мне очень трудно подыскать подходящие ответы на эти вопросы. Но, с другой стороны, любовь Божия и Его сила для меня - неоспоримый факт. У меня нет в этом никакого сомнения. Мои попытки усомниться в этом приводят только к уверению.

От жизни к истинной жизни

Я познакомился с одной прекрасной девушкой. Ее взгляд был восхитительно пронизательный и проникновенный. Она обладала редкими качествами: достоинством, аристократичным благородством, скромностью и неземным смирением. Не могу представить себе человека, который бы знал ее и не испытывал бы к ней уважения, не восторгался бы ею. Это прекрасное создание в течение восьми лет страдало неизлечимой болезнью. Она никогда не жаловалась. Никогда не задавалась вопросами. Ее поведение, внешний вид, жизнь подтверждали пророческие слова *аз же не противлюся, ни проти-воглаголю* (Ис. 50, 5). С помощью неизвестных, таинственных механизмов ей удавалось опровергать прогнозы врачей. На протяжении целых четырех лет все ждали ее кончины, она с улыбкой терпела и выигрывала одну за другой маленькие битвы...

Некоторое время я был ее духовником и знал тайны алмазной души этой девушки. Мы не говорили об этой жизни, почему с ней так случилось или как сделать так, чтобы произошло чудо, чтобы она не умерла. Мы беседовали о красоте и подлинности будущей жизни. Меня впечатляла ее смелость. По-человечески она боялась боли, но не смерти. С легкостью она принимала, что в этом мире не будет ее, что в нем другие будут радоваться, а она - страдать. Ее жизнь была вызывающе невесомой и нежной. Ангельской!

За несколько месяцев до смерти она пришла ко мне для того, чтобы, возможно в последний раз, исповедоваться. В конце она попросила об одном одолжении, о том, чтобы я позаботился о ее теле, совершил чин отпевания и принял все ее сбережения.

- Когда вы будете использовать их после моей смерти, знайте, что я жива. Это доказательство того, что я ухожу, но не умираю.

- Кто уйдет из нас первым, Надя, пусть приготовит встречу другому.

- Я уйду первой, отче. Разве вы не видите? Я дышу с большим трудом.

- Это ни о чем не говорит. Несчастный случай или какой-нибудь инсульт могут опровергнуть все прогнозы.

- Вы очень нужны.

- Думаешь, что ты нужна менее?

- Я уже на пути в другой мир.

- Откуда ты знаешь? Бог может сотворить чудо. Ведь сколько раз опровергались заключения и прогнозы врачей? Скажи-ка мне: ты никогда не молишься о том, чтобы Бог сотворил чудо?

- Для меня?

- Для тебя.

- Конечно, нет, отче. Он сделал столько чудес для меня, я не осмеливаюсь просить еще. Пусть сотворит чудо кому-нибудь другому. Ведь столько страдающих людей, которые ждут этого.

Разве возможно, чтобы Бог не сотворил чуда такому человеку? Разве можно, чтобы Он не дал тому, кто об этом не просит? Разве возможно, чтобы Он не слышал сердце того, кто смиренно и благородно думает о других? Надя поспешила подняться высоко, *достигнув совершенства в короткое время, она исполнила долгие лета; ибо душа ее была угодна Господу* (Прем. 4, 13-14). Вызывает сожаление тот факт, что некоторые люди, быстро достигшие совершенства, более принадлежат Царствию Небесному, нежели вписываются в сценарий этого мира.

Прошло несколько месяцев. Надя попала в больницу. По всему видно, что она не выйдет оттуда. Я узнал об этом и пошел ее навестить.

- Надя, как ты?

- Отче, как я рада вас видеть. Хочу попросить вашего благословения, но не на жизнь, а на то, чтобы оно сопровождало меня на моем пути в вечность. Чудеса уже закончились. У меня ужасные боли. Хочу уйти. Это грех?

- Что лучше? Чтобы ты была в руках Божиих и испытывала боль или чтобы ты ушла на час раньше, и было бы больно нам от того, что мы разлучились с тобой?

- Предпочитаю, чтобы не было больно вам и чтобы быть мне в руках Божиих. Я это чувствую. Какое это благословение! Зачем же мне быть такой неблагодарной?

- Знаешь, мне не жаль, что ты уйдешь, ведь мы не расстанемся. Нельзя сказать и того, что твоя жизнь заканчивается, а мы находимся в ожидании своего исхода. Просто мы очень переживаем от того, что ты испытываешь такие страдания.

- Сейчас, когда мы беседуем, мне больно, но я не страдаю. Я наслаждаюсь невообразимо присутствием Божиим. Представьте, что бы было, если бы тело мое не испытывало боли и душа моя не чувствовала бы Его присутствия! Я очень счастлива.

- Скажи мне, как ты ощущаешь другую жизнь? Чувствуешь, что она приближается? Боишься? У тебя есть тревога?

- Отче, я чувствую ее как настоящую жизнь. Не как другую. Это правильно? Просто я захожу в нее и выхожу. Иду туда, и меня ласкает вечность. Возвращаюсь сюда и, с одной стороны, немного боюсь, у меня сильные боли, но, с другой - меня улаживает любовь и поддержка всех вас. И то и другое от Бога. Пусть будет Его воля. Радость, которую я испытываю рядом с вами, невозможно описать. Я вас всех очень люблю. Только мне не хочется, чтобы вы видели меня в таком состоянии и испытывали боль. Простите меня.

- Но ведь мы твои братья и сестры и терпим боль вместе с тобой, испытываем радость от любви, царящей между нами. Одно лишь хочу тебе сказать: когда человек находится в испытании, подобном твоему, и понимает, что он уходит, он чувствует в глубине своей души две вещи - холод одиночества и мрак конца. Любовь согревает, и вера просвещает любовью. Ты делишься своей любовью с нами и обладаешь крепкой верой. Поэтому ты не чувствуешь ни одиночества, ни мрака.

- Отче, у меня нет большой веры, не могу считать себя и хорошей христианкой, я не очень-то церковный человек. Ходила в храм, но чувствовала себя чужой, там я немного и

понимала. Однако осознаю, что, пока я нахожусь здесь, пребываю во мраке. Лучше сказать - в тумане. Я ожидаю своего будущего, о котором вы нам часто говорите. Мир не имеет ценности. Я очень вас благодарю. Дайте я поцелую вашу руку.

Она коснулась губами моей руки. У меня было чувство, что она забирает все благословение, имевшееся у меня. Без сомнения, это было самое истинное, сильнейшее, лучшее лобызание руки за всю мою священническую жизнь. Я почувствовал *силу изшедшую* (Лк. 8, 46). Живо ощутил силу своего священнического сана.

- Почему ты так сильно сжимаешь мою руку? - спросил я.

- Мне хочется ухватиться за вечность.

- Но ведь так ты хватаешься за временную жизнь.

- Отче, я целую руку не знакомому мне человеку, но руку того, кто открыл мне путь к познанию Бога.

С собой у меня была шкатулка с мощами святителя Нектария из его храма в Камаризе. Я взял ее специально. Достал шкатулку, чтобы Надя приложилась к мощам святого. Он мог укрепить ее в вечности намного лучше, чем я. Из открытой шкатулки разлилось удивительное благоухание. Такое происходит далеко не всегда. Я очень обрадовался этому необычному событию. Святой будто говорил нам: не мучайте себя вопросами, вы не найдете ответов, да и не имеете в них нужды, довольствуйтесь присутствием Божиим.

- Приложись, - говорю ей, - святой благоухает. Это не означает, что он удержит тебя дольше на земле. Это означает, что он готовит тебе встречу на небе. Такое несказанное благоухание являет истину вечного Царствия Божия.

Она наклонилась, собрав все оставшиеся силы, перекрестилась и поцеловала святые мощи. Из глаз ее текли слезы.

- Я грешный человек. Может, я не готова к тому, чтобы уйти?

Она произнесла эти слова и сжала с силой мою руку.

- Мне кажется, что мое желание уйти происходит больше от того, чтобы избежать пребывания здесь, а не от того, чтобы уйти туда. Я чувствую себя очень мирской и маловерной. Можно я исповедуюсь?

Я достал епитрахиль и омофор. С удивительной чуткостью она открыла мне глубины своего сердца и поведала о своем сравнительно далеком прошлом.

- Не вини себя. Успокойся. Твое покаяние подлинное. Даже если ты что-то забыла, нестрашно.

- Я не испытываю угрызений совести. Просто, если я окажусь в объятиях Божиих, мне хочется как можно меньше их испачкать. Я чувствую, что Бог меня ждет, но я этого недостойна. Не уверена, что Он меня этого удостоит. Уверенность в этом мне кажется наглостью. Неуверенность - маловерием. И то и другое - грех.

- И какое из этих двух у тебя есть?

- Оба, отче.

- Послушай, Надя, в рай мы идем не потому, что мы его достойны, но потому, что мы его желаем и ищем. Любовь Божия намного перевешивает нашу ценность. Даже ценность святых. И всех вместе. Разве ты не желаешь этого со смирением и искренностью?

- От всего сердца. Я хочу этого даже больше, чем освобождения от боли.

В ней не было никакого эмоционального напряжения. Она устремила свой взгляд, в котором был запечатлен *мир... превосходяй всяк ум* (Флп. 4, 7), на меня. Ее облик уже начинал приобретать другие черты. Она становилась более близкой к вечности, чем к повседневности этого мира. Рядом с таким человеком исчезает вопрос о жизни после смерти. Такие люди остаются с нами подольше, чтобы уверить нас в ее существовании. Даже если они страдают...

Я прочел ей разрешительную молитву. Она освободилась и от последних грехов. Оставалось только одно, чтобы рай наполнился благоуханием еще одной чистой души. Когда Бог этого захочет. До того момента ароматом ее благословенной жизни наслаждаемся мы. Наша любовь предпочитает ее аромат, чем ее упокоение.

К счастью, Бог медлил...

Прошло еще несколько дней. Надя находилась между двумя мирами, переходя от своего благословенного мира к нашему, который, несмотря на все его недостатки, отличается красотой преизобилующей любви. Любви, проявляемой в меньшей мере чувствами и в большей - верой. Любви, которая дает тебе возможность смотреть на брата, уходящего из этого мира в страданиях, преимущественно с таинственной радостью о его величии, а не с чувственным сожалением о его мучении или нашей разлуке с ним.

Дни текли. Надя держалась. Бог оставлял ее с какой-то целью. Я шел в больницу, охваченный знакомыми смешанными чувствами.

- Крестопоклонное воскресенье было вчера, - сказала она. - Я слышала по радио о его смысле. Раньше я не знала об этом точно. Воскресение Христово - в результате и наше воскресение. А я боюсь смерти.

- Без смерти нет воскресения, - ответил я. - Воскресение предполагает смерть. Как можно вернуться к жизни, если прежде не уйти из нее? Наш путь вслед за Христом крестовоскресен.

- Да, вы правы, что-то такое говорили вчера и в передаче. Но я сгибаюсь...

- Вспомни Христа перед смертью...

- Не думаю, что Он был сломлен, как я. То было совсем иное, и оно выше моих сил. Я испытываю страх и чувствую себя очень земной. Хотя вся моя жизнь была сплошным чудом, Бог был постоянно рядом со мной, сейчас я боюсь, что Он оставит меня одну.

- Ты хочешь остаться здесь навсегда?

- Нет! Я не хочу дольше оставаться здесь. Сейчас я уверилась, что уйду, и это меня не расстраивает. Просто меня пугает сама смерть. Представляю себе боль, тягость, удушающее состояние - и меня охватывает тревога. Помолитесь, чтобы уйти мне во сне, ничего не почувствовав. К тому же я не хочу, чтобы расстраивались вы.

- Ты бы хотела уйти по-воскресному?

- Я бы предпочла уйти крестовоскресно.

- Что ты под этим подразумеваешь?

- Не знаю точно, но мне очень нравится это сочетание смерти и воскресения, о котором вы недавно сказали.

- Ты бы хотела уйти в Великую Пятницу, чтобы мы спели тебе Пасхальную службу?

- Вы думаете, я доживу до этого дня?

- Думаю, что даже больше.

- Отче, мне кажется, что хватит того, что я прожила. Я больше не нужна в этом мире.

- Откуда тебе знать?

- Я, вот в этом состоянии?

- Ты, как ты есть на самом деле.

- Во всяком случае, я очень счастлива от наших бесед.

Надино сердце билось до Великого Четверга. Мы прочли двенадцать Евангелий. Уже несколько дней она не подавала признаков сознания. Пульс падал. Дыхание слабело. Казалось, что она выдохнула весь воздух этого мира. Часы показывали 23.58. Сердце сделало еще несколько ударов. В 12 ночи, с вступлением в Великую Пятницу, Надя скончалась для этого мира. Оставила за собой живые воспоминания присутствия очень редкого, деликатного и тонкого; следы очень болезненной разлуки. Оставила после себя чувство, что она была человеком, которому подходило более Царствие Божие, чем господство временной жизни.

Как она и хотела, она ушла в крестный день. Похороны ее были пасхальными, во вторник

Светлой седмицы. Ее исход не мог быть более крестовоскресным!

На погребении из священников я был один. Пропел последнюю Пасхальную литию. Не мог насладиться пением «Христос воскрес». Слова «и сущим во гробех живот даровав» находили торжественное подтверждение в лице Нади. Она была прекрасна, будто мирно

спала, будто видела истинный духовный мир. Действительно, она была упокоена. Бог еще раз «огорчил» нас, поскольку мы Его не понимаем. Однако Надя нас понимает, поэтому позаботилась о том, чтобы утешить. Она постаралась устроить так, чтобы мы меньше огорчились и больше возлюбили Его. Поскольку Он сотворил не только этот мир, в котором мы умираем. Он сотворил и тот, в котором мы только и живем. Надя отражала свет Божий в этом мире. Ее не победила смерть, ее прославила жизнь. Пожалуй, правильнее сказать, что ее прославил Бог, являющийся ее жизнью.

«Отцу Николаю, чтобы он совершил для меня все необходимое»

Свои первые уроки пастырского служения я получил от старцев. Такие, как они, больше не рождаются. Я всегда испытывал особое уважение к ним. В течение двух с половиной лет на Святой Горе мое внимание было обращено к этим сокровищам. Неполное образование, совершенно не впечатляющий внешний вид, жизнь абсолютно незаметная. Старцы напоминают мне черные дыры. Они не показывают ничего из своего богатого мира, но обладают самым сильным полем тяжести. От старцев я узнал о жизни, получил наставления касательно своей, во мне родилось подозрение о тайнах истинной философии, мне были преподаны уроки священства.

В Америке в 1980-е годы лучшую компанию мне составляли не мои одногодки сокурсники, но господин Иоанн 92 лет, его брат Костас из Винтропа 96 лет, госпожа Ставрула около 85 лет и самый молодой из них, господин Костас 78 лет. Первый хотел на мои именины подарить мне свой праздничный костюм. Он сшил его себе на свадьбу, которая, однако... так и не состоялась. Это было самое драгоценное, что у него было. Я не мог принять такого подарка. Его приношение было наполнено большой любовью, но в нем не было логики. Пожалуй, поэтому оно было таким ценным.

На большие праздники после богослужения мы вместе ходили в кафе Dunkin' Donuts отведать пончиков. Невообразимая компания. Меня приводил в восторг один ее состав. Чего я только не узнал от этих людей! Господин Иоанн, родившийся в 1895 году, приехал в

¹ ЕиаυυεХυοβс, (Благовещение) - государственная больница в Афинах, основанная в 1881 г. королевой Эллинов Ольгой - дочерью великого князя Константина Николаевича, племянницей Александра II. Во дворе больницы находится храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. - *Примеч. пер.*

² Онкологический центр в Афинах. - *Примеч. пер.*

Америку в 1916-м. Раньше, в 1911 году, переехал его двадцатилетний брат, господин Костас. Их величие заключалось не столько в том, что они были опытными долгожителями, а в том, что они передавали внутренний жизненный опыт другой эпохи, в которой сокровища, потерявшие сегодня ценность, составляли естественный духовный диалект.

В Греции на подворье Вознесения, где я служил, мое внимание привлекла госпожа Анна. Это была сгорбленная старушка 87 лет, потихоньку, опираясь на палочку, приходившая каждый день в храм. Родом она из Каппадокии. Глаза красные-прекрасные. Рот она открывала редко. Лицо было всегда спрятано в черный платок. Она была вдовой с молодых лет, рано ушли из жизни и двое ее детей. Госпожа Анна одна-одинешенька: компанию ей составляли иконы, параклисы, нескончаемые молитвы. Ее утешение и надежда - Церковь. Она имела веру, в основе которой - чудеса, личный опыт, живая традиция.

Я посылая к ней девушек, чтобы они помогали ей и одновременно научались от нее тому великому, что она имела.

Однажды госпожа Анна заболела. У нее за ухом появилась опухоль размером с маленький мандарин. Она приподняла платок и показала ее мне. Я отослал госпожу Анну к знакомым врачам в больницу Евангелизмос¹, а затем и в больницу Святого Саввы². Медики решили не трогать опухоль, но наблюдать за развитием. К тому же в таком возрасте опухоли растут относительно медленно.

Однако госпоже Анне эта опухоль причиняла беспокойство. Она пришла в храм, нашла меня после Божественной литургии и попросила, чтобы я перекрестил ее, как она сказала,

святым копием. Я был тогда еще начинающим священником, не имел классического духовного образования и не знал, что это такое. По ее указаниям в требнике я нашел необходимые молитвы. Она сняла платок, и я перекрестил ее.

Через две недели пришла девушка, которая навещала ее, и принесла мне маленький конвертик от госпожи Анны.

- Что это? - спросил я.

- Не знаю. Мне его дала госпожа Анна для вас и ничего не сказала. Думаю, что она лично сообщит вам. Во всяком случае, знайте, что ухо у нее прошло.

Я взял конверт и открыл. В нем было 40 тысяч драхм. И записочка, на которой было написано: «О здравии рабы Божией Анны».

Я взял записку, положил в конверт еще 40 тысяч драхм, закрыл его и отдал девушке, чтобы она отнесла его обратно, сказав госпоже Анне, что я возвращаю... сдачу.

В тот же вечер госпожа Анна появилась в храме явно взбудораженная.

- Что ты делаешь, госпожа Анна? Ведь ты же болеешь, зачем поднялась с кровати?

- Отче, не делайте этого. Вы должны взять деньги. Я даю их не вам. Они принадлежат Церкви.

- Дорогая госпожа Анна, деньги не нужны.

Она не ответила. Приподняла платок и показала мне свое ухо. Опухоль почти совсем исчезла. Я не мог в это поверить.

- Что случилось, госпожа Анна? - спросил я с удивлением.

- Отче, лекарства Церкви намного лучше, чем средства земных врачей. Потому-то я тебе и послала деньги.

- Да, но лекарства Церкви ничего не стоят. Ты бедная, потому-то я и послал тебе сдачу.

- Отче, прошу тебя, не губи моей признательности.

Каждую Пасху я вместе с кем-то из церковного совета ходил к знакомым лежачим старичкам и старушкам нашего района, давал в благословение красное яйцо и печенье, освященные в церкви, и мы пели «Христос воскрес». Госпожа Анна уже не могла выходить из дома. На Пасху мы пришли к ней с пением «Христос воскрес». Она попросила нас спеть и «Смерти празднуем умерщвление». Она воодушевилась. Мы посидели у нее и насладились ее верой и мудростью. Как жаждала она момента исхода из этого мира!

- Там мы не будем петь о смерти. Там мы будем воспевать жизнь. Блажен тот, кто понимает тщетность этого мира и реальность Божию.

Я до сих пор слышу в своих ушах ее голос и слова. Она произносила их с такой силой, что могла убедить даже самого недоверчивого. Она читала и очень хорошо понимала Священное Писание. Она не имела образования, но была умной, чрезвычайно глубокой женщиной. На слова скупа, но лицо ее было необычайно выразительным.

- Госпожа Анна, ты устала от жизни? - спросил я ее.

- Нет, отче. Я устала ждать жизни. Этот мир приобретает смысл, если вглядываться в то, что будет после смерти.

- Ты, несомненно, хочешь встретиться со своим мужем и детьми.

- Да, конечно. Однако я хочу встретить Христа, как написано в Апокалипсисе. Завидую святым. И вам, священникам, видящим *лицом к лицу* (1 Кор. 13, 12) славу Божию уже в этом мире. В то время как мы - лишь в будущей жизни. Поэтому, когда я молюсь о том, чтобы мне побыстрее уйти, прошу, чтобы вы жили как можно дольше. Вы можете переживать вечность уже в этой жизни.

1998-й год. Я давно ее не навещал. К тому же всю Великую Четыредесятницу я отсутствовал, был на Святой Горе. Вернулся в Лазареву пятницу. В Великий Понедельник я сообщил ей через соседку, что намереваюсь прийти к ней домой, как обычно каждый год, на Пасху, для пасхального приветствия «Христос воскрес». Вечером в Великий Четверг, перед службой, я встретил ту госпожу, и она описала мне восторг госпожи Анны по поводу предстоящего моего пасхального посещения.

- Как только мы споем «Христос воскрес», я уйду на небо, скажи ему, - передала мне ее соседка. - Мне кажется, что Бог меня забыл.

Служба закончилась в 10.30 вечера. Когда я выходил, мне сообщили, что госпожа Анна поспешила уйти от нас до Пасхи. Она предпочла спеть на века «Христос воскрес» с Ангелами, а не с любимыми священниками лишь на Пасху. Я отправился к ней домой, чтобы нам устроить все необходимое для ее погребения. Дал ей последнее целование. Она была еще теплой. Одевая ее, мы подняли подушку. Под ней лежал конвертик с надписью: «Отцу Николаю, чтобы он совершил все необходимое для меня». В нем было 100 тысяч драхм. Вечная ей память!

Отпевание состоялось во вторник Светлой седмицы. На нем присутствовали ее племянница и некоторые прихожане. Самое большое двадцать человек. Это было первое Пасхальное отпевание, которое я совершал. Нескончаемые «Христос воскрес» сопровождали ее благородную душу. И, несомненно, множество Ангелов сопутствовали ей по дороге в вечность, куда ей удалось незаметно ускользнуть. Подобно прекрасному Иосифу, «оставив ризу» своего тела и нагая «якоже первозданный прежде преслушания»¹,

¹ «Вторую Еву Египтянню обрет змий глаголы, тщашея ласкань-ми запяти Иосифа, но той оставив ризу, бежа греха, и наг не сты-дящися, якоже первозданный прежде преслушания. Того молитвами, Христе, помилуй нас!» Из утрени Великого Понедельника, Слава и ныне на стихирах на стиховне. - *Примеч. пер.*

она взошла невесомая в место вечного своего упокоения.

ПРЕСТАВЛЕНИЕ ОДНОГО НЕИЗВЕСТНОГО СВЯТОГО

Имею желание разрешиться

(Флп. 1, 23)

Человек настрадавшийся, но вместе с тем необычайно милый и счастливый. *Мир... превосходяй всяк ум* (Флп. 4, 7) - это его свойство, видно невооруженным глазом. Он был маленьким ребенком, в последнем классе начальной школы, когда на его глазах партизаны забрали мать и сестру и через какое-то время он услышал выстрелы. Больше он никогда их не видел, но никогда не забыл ни картины их разлучения, ни выражения их лиц, ни их совместной жизни. Причиной были ненависть и донос отца, который также исчез. Детская душа с зияющей раной.

Его отдали в детский дом. Там он выучился чистить обувь. Совершенно случайно на одной из улиц Салоник к нему подошел почистить обувь офицер запаса Греческой армии. Они разговорились и стали друзьями. Офицер рассказал ему о любви, которую явил на деле. Он дал ему надежду и утешение. Привел его в Церковь и открыл духовные горизонты. Мальчик стал монахом в одном известном монастыре с избранной братией. Слуга и служитель всем. По своему выбору - последний из последних. Он радовался и наслаждался славой других, как своей. Он подлинно упивался их дарованиями и успехами. Он нашел свое место, открыл себя, встретил Бога. Новое его имя - Кирилл.

- Я самый счастливый человек в мире, - часто говорил он, - должник Богу по самую макушку.

Из его уст исходило постоянное славословие. У него был очень сладкий голос. И очень сильная память. Он знал почти все Священное Писание наизусть. Монастырь стал для него университетом. Он пел от исполненного благородством сердца, а не голосовыми связками и устами. Видеть его и слышать было большой радостью. Он был из тех немногих, кто по образу и подобию Божию излучал дарования явным и таинственным образом.

Было видно, что отец Кирилл заключал в себе намного большее, чем показывал. Маленький ребенок шестидесяти лет... Ангел в материальном облачении. Его любимой темой было Царствие Божие. У него было явно выраженное желание покончить с неопределенностью этой жизни и жить в полноте другой. Причастие к вечному блаженству, нескончаемое созерцание Славы Божией, переживание мира в мире Божиих обетовании, невечерний восьмой день, слышание *неизреченных слов, которые человеку нельзя пересказать* (2 Кор. 12, 4), общение с Ангелами, обретение благодати святых, явление тайны Божией Матери, упразднение тленных и временных - составляли его постоянные поучения и занятия. Все, что он говорил, даже когда ему приходилось обращаться к делам повседневности, было *во благодати, со-люю растворено* (Кол. 4, 6) и дышало жизнью, а не смертью.

Вся братия почитала его, у всех он вызывал неопиcуемый восторг. Он не говорил о своем желании с легкостью, но хотел поскорей уйти из этого мира. Он был здесь не только пришельцем и странником (см.: 1 Пет. 2, 11), но и чужестранцем. Он стремился к Богу и желал смерти, сроднившись с ней мыслью. Его отношение к смерти было очень дружественным. Его сердце не касалось этого мира, потому-то и внешний вид его был чрезвычайно прост, монашеские одежды - старыми, потертыми.

Когда выдавался случай, он посещал меня на подворье Вознесения, где я служил. Всегда по благословиению, которое я испрашивал у игумена. Он привозил мне подарки: изюм, миндаль, козинаки, шоколадку и какую-нибудь книжицу. Никогда не приходил с пустыми руками и всегда с наполненным сердцем. Взяв у меня благословение, сразу пел что-нибудь по случаю праздника, и его славословные уста начинали прекрасное повествование из жизни старцев, которых ему довелось знать, проникновение в Священное Писание. Он толковал цитаты из Псалтири, которые произвели на него впечатление, приводил мысли Святых Отцов и комментарии к ним, рассказывал удивительные истории из жизни святых.

И завершал он своей любимой темой, описанием Царствия Божия, как будет в раю. Река опытного богословия. Все это с большим чаянием и глубоким смирением.

Неожиданно ушел из жизни игумен обители - отец Леонтий. Он умер в реанимации, ему не успели помочь, никто не заметил, что с ним случилось, даже медсестры. Это был величественный таинственный человек. Он унес с собой благодать, которой наделил его Бог, и оставил всем, кто его знал, воспоминания о неизвестном, но великом святом, чувство прикосновения священного к миру видимых. Никто не знал, как он жил. Даже отец Кирилл, чрезвычайно его любивший и живший в соседней келлии. До сегодняшнего дня он остается неизвестным. Непостижимая тайна. Совершенное опустошение, исполнение благодати!

Во время отпевания отец Кирилл стоял в уголке и казался сокрушенным. Он не поднимал головы. Я понимал его. Опять он осиротел, неожиданно и внезапно... Я подошел к нему, думая, что надо сказать несколько слов в утешение.

- Отец Кирилл, я видел тебя с опущенной головой во время отпевания. Опять сиротство. И теперь оно еще больше, чем прежде.

- Это не совсем так, отче. Теперь у нас есть заступник на небесах, «высшей категории», настоящий военачальник.

- Однако я понимаю твоё чувство пустоты от потери, - продолжил я. - Ничего не подделаешь. Нам будет не хватать его. Я смотрел на тебя во время отпевания, ты был собран и погружен в раздумья.

- Пустоты нет. Пустота образуется от отсутствия Бога, а не от духовного предназначения людей. «Возжеленное отечество подаждь ми, рая паки жителя мя сотворяя»¹, - пропел тихонько он. - Царствие Небесное - желанное отечество и рай, и мы торжествуем о том, кто его наследует, или же все это преувеличение и пустые слова, тогда слезы подобают нашей драме. Ты не можешь представить, батюшка, годня завидовал отцу Леонтию. Я думаю о том приеме, что уготовили ему Ангельские чины, о том, чем он сейчас наслаждается *лицом к лицу*, и душа моя торжествует о его славе. Представь его среди Ангелов, прославленных преподобных, освященных проливших кровь мучеников, рядом с апостолом Павлом, рядом с Честным Предтечей, Василием Великим, Златоустом, Пресвятой Богородицей, созерцающего закланного Агнца. Боже мой! А мы здесь скорбим. Сегодня, пока он новый на небе, я просил его множество раз, чтобы он открыл и нам дорогу. Полагаю, что Бог послушает его. Он точно имеет дерзновение.

Через неделю у отца Кирилла появились признаки желтухи. Его отвезли в больницу. Началось обследование. Запущенный рак печени. Скоротечная форма. Молния на ясном небе. Хирург, наш друг, решил незамедлительно делать операцию. Внутри все заполнено раком. Он не поверил своим глазам, сделал несколько анастомозов и зашил его.

- Мы его теряем, - сказал он нам. - Самое худшее, что может быть. Он и два месяца не протянет. Сделаем ему несколько сеансов химиотерапии, чтобы сказать, что мы хоть что-то сделали, может, он захватит тогда немного от третьего месяца.

Монастырь вверх дном. Никто не может поверить, что старец ушел, чтобы собрать

¹ Последование панихиды. Тропарь, глас 5-й.

отцов там, наверху. Пусть возьмет других, только не отца Кирилла.

А он, узнав обо всем, сиял от радости.

- Такого подарка я не ожидал. Мы договорились с отцом Леонтием, кто из нас уйдет первым, чтобы позвал другого. Должно быть, он заслужил дерзновение пред Богом. Потому и сотворил чудо. Видите? *Просите, и дастся вам* (Мф. 7, 7). Если хотите, просите и вы.

- Мы, - сказал ему отец Геронтий, - будем просить, чтобы ты не ушел. Посмотришь тогда, куда отправятся твои молитвы.

- У меня рачок в печени. Я уже нахожусь на взлетной полосе с включенными турбинами. Меня ничто не держит.

- Я не выдержу, - сказал сам себе отец Геронтий, - никто не может заставить его прекратить эти молитвы. Это невозможно, он нам нужен здесь. Мы все должны молиться, чтобы

Бог его не послушал. Неужели он будет делать, что ему вздумается? В конце концов, небеса заполнены святыми. А что будем делать мы, если они начнут уходить от нас один за другим?

Они позвонили мне. Я восторгался этими отцами. Какой прекрасный дух! Какие свободные взгляды! Какое высокое состояние!

Я навестил отца Кирилла в больницу.

- Отче, вижу, что у тебя хорошее состояние.

- Подожди немного, и мне будет еще лучше.

Если только мне не испортит дело отец Геронтий. Он собрался меня удержать, а он умеет молиться, и обычно Бог его слышит. Он поднял на ноги всех вокруг. Но мне кажется, что победа за мной. Но, с другой стороны, проблема в том, что он молится о другом, а я о себе самом. Отец Трифон говорил, что молитвы о других более сильные. Да и как одному грешному Кириллу сладить со всеми ими? Многие из них к тому же и добродетельны. Может, ты тоже помолишься, чтобы разрешилось это дело? Очень тебя прошу, когда другие будут проигрывать в этой игре, я хочу, чтобы ты пришел ко мне и прочитал молитву на разрешение души от тела. В следующий раз, как придешь, принеси требник для репетиции. Сейчас я закрываю глаза, скрещиваю руки, и вместе начинаем петь Чин отпевания... «Еще молимся об упокоении души раба Божия монаха Кирилла, грешника, и проститися ему всякому согрешению вольному и невольному», - говорил он, полный радости.

Прошло два месяца, прошло целых четыре года. Отец Кирилл не мог поверить, что он вошел в самолет и вылет был отменен. Во всем был виноват его любимый отец Геронтий. Бог послушал его и всех, кто его поддерживал своими молитвами. Однако отец Кирилл не сдавался.

- Пусть на первом этапе и победила любовь отца Геронтия, но есть и отец Леонтий. Да к тому же на небесах. Я у него попросил тогда сделать мне одолжение, тогда, когда никто не подозревал, что он от нас уйдет. В какой-то момент Бог послушает и его, - произнес он с улыбкой.

Наступил канун Рождества Христова. Отец Кирилл попросил меня о встрече. Душа его находилась в полете подобно Ангелам, уста постоянно славословили, лицо сияло, сердце переполнялось невыразимой радостью. Со здоровьем, как казалось, у него было все хорошо.

- Думаю, что приближается наш час. Чувствую, что совсем скоро начнется обратный счет. И вылет на этот раз совершится на ракете. Мигом. Чтобы геронтий не успели сорвать план. В этот раз у билета есть гарантия. И у нас есть душа, - доверительно рассказал он мне, охваченный радостью. - Только ты не причиняй мне вреда. Я хочу, чтобы ты был моим союзником. Что поделаешь, в этом мире есть и другие люди.

Сразу после праздника с отцом Кириллом что-то произошло. У него началось головокружение, сильные боли, его отвезли в больницу. Стало ясно, что ход болезни открывал для его души путь на небо. Он был полон метастаз. Эту новость он узнал от своих любимых... противников, которые, безутешные и полные протеста, навестили его. Со сладкой улыбкой он принял известие, перекрестился и произнес из самой глубины своего сердца: «Слава Тебе, Боже», так, будто он видел перед собой Землю Обетованную спустя сорок лет блуждания по пустыне, так, будто после тридцати восьми лет он начал ходить, подобно евангельскому расслабленному.

С того момента он прекратил шутки и начал усиленное приготовление. Он уже обеспечил себе билет и должен был как можно старательнее подготовиться к отъезду. Постоянно молился. Его любовь к Богу и вера находились в наивысшем их напряжении. У отца Кирилла оставалось очень мало дыхания для этого мира, и он уготовлял глубокий вздох для другого, истинного, вечного.

Он известил меня, чтобы я взял требник и пришел к нему исполнить наш договор, молитву на разлучение души от тела. Это была среда, если правильно помню, 7 января. Я

взял с собой для благословения серебряный крест с частицей Честного Древа, который был подарен монастырю Симонопетра на Святой Горе смиренным митрополитом Арсением в 1692 году, о чем была сделана надпись на оборотной стороне. Около десяти лет на Вознесенском подворье я часто прикладывался к нему, он редко благоухал, очень тонко, обычно в день Воздвижения Честного Креста или в Крестопоклонное воскресенье. Я вынул крест из мощевика и приложился. Он совершенно не благоухал. Положил его в бархатный мешочек и отправился в больницу.

Около 10.30 я был рядом с кроватью. Мы ждали его сестру. Он сказал, что уйдет на Собор Предтечи. Открытые небеса, Предтеча в высочайшей славе, Святая Троица в явлении, отец Кирилл совершенно готов - то, что нужно для исхода.

Контакт с чувственным миром прерван. Он явно погружен в молитву, хотя ясно, что ему невыносимо тяжело. Периодически он повторял «Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе». Я вынул крест из мешочка, чтобы он приложился. Рядом были заведующая больницей, медсестра и два отца из монастыря. Он перекрестился. Мы все приложились ко кресту.

- Отче, как дела? Как ты? Тебе тяжело? Мы можем чем-то помочь?

- Я счастлив, меня ничего не интересует. Я ухожу. Я жду только Марию (сестру), и тут же... запуск. Я уже на эстакаде, и обратный счет начался. Мне не жалко вас, поскольку мы не расстаемся. Просто мы один за другим уходим в жилище Отца, где «несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная», - и его голос потух.

- Когда мне прочитать молитву? Мне дать возглас? - спросил я.

- Нет еще. Скоро я тебе скажу.

Мы провели некоторое время в молчании. Пришли еще два отца. Казалось, что отец Кирилл не понимал. Один из них, отец Евстафий, подошел к нему и громко сказал ему на ухо:

- «Слава Богу за все. Не престану я вечно это повторять...»

И дополнил другой, отец Ставриан:

- «...за все, что случилось со мной».

Отец Кирилл открыл глаза и медленно, еле слышным голосом исправил:

- «...за все, что случается со мной». Это имеет значение.

Он сделал мне знак, я подошел к нему.

- Смотри за ним, он очень хороший, я его очень люблю, но он человек отца Геронтия. Как бы в последний момент он не помешал нам.

Он улыбнулся, несмотря на свое крайне тяжелое состояние. Это благодатное чередование чувства священности тех мгновений и такого невесомого к ним отношения совершенно исключительно! Живет в вечности и отдает целование повседневности. Говорит прекрасно на обоих языках. В последние свои мгновения!

Погружается! Вокруг него молчание. Да и что сказать в такой момент, рядом с таким человеком? Все мы стояли в трепете. Людей было мало, но много Ангелов. Время сотворенного мира подошло к 12.00, точно полдень. Вечность задает ритм своим часам, часам без стрелок и чисел. Без времени! Без конца!

Кажется, что отец Кирилл уже совершенно не контактирует с нами. Его дыхание очень тяжелое. Выдох невесомый. Вид его лица - ангельский. Вот уже как полчаса он не промолвил ни слова. У него остался последний вздох. Так видно по нему.

Но это не совсем так. Он сделал знак. Что-то хотел сказать. Соединил ладони.

- Прочеть молитву? - спросил я.

Он дал утвердительный ответ знаком.

Я надел епитрахиль и начал читать псалмы Последования на разлучение души от тела. Прекрасное, но вместе с тем и ужасающее молитво-словие. Отец Кирилл тихонько шевелил губами, следил за ее смыслом и пытался перекреститься в необходимых местах. Когда я прочел каноны - он сказал мне прочеть все - он успокоился. Я прочел молитвы и произнес отпуст. Дал ему поцеловать епитрахиль. С великим благоговением, из глубины, в которой он находился, он коснулся губами моей руки. Он поцеловал мне руку как священнику. Я

почувствовал, что прикасаюсь к лицу святого. Я наклонился и поцеловал его. Он был живой иконой! Человек не от мира сего.

Он пошевелил губами, будто хотел чему-то поклониться. Я спросил, может, он хочет приложиться к Честному Кресту, он подтвердил.

Я вынул крест из мешочка. Сначала приложился сам. Благоухание восхитительное и сильное. Я ничего не сказал. Преподнес крест, он открыл глаза, сделал крестное знамение, поцеловал его, слеза стекла по его щеке, и он погрузился навсегда в молчание. Вскоре он вздохнул последний раз и ускользнул в мир блаженной вечности, в землю кротких.

Все присутствующие поклонились с благоговением кресту и вместе с благодатью креста получили благословение смиренного монаха Кирилла. До этого никто из нас не чувствовал никакого благоухания. А теперь все, без исключения, и к тому же очень сильное. Бог показал свою благосклонность. Человек упокоился в полном смысле этого слова.

Праведники живут вовеки (Прем. 5, 15), и память их в род и род.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Возможно, смерть не самый близкий спутник нашей жизни, однако самый несомненный. Радость рождения в жизнь сменяется для всех без исключения цепочкой испытаний, завершается печатью смерти, имеющей трагический вид, черный цвет и приносящей ужасающие раздумья.

Опыт ее мучительный. Нас ранят болезненное разлучение и пустота, несбывшиеся мечты, живые воспоминания, неизвестность будущего, страх окончательного конца, подозрение, что мы можем забыть лицо, угрызения совести, различные «если», «может быть», чувство вины, сомнения. Нам не хватает тела, которое мы видим, которое выражает образ человека, его личность, которое мы целуем, обнимаем. И к тому же оно находится в земле и гниет, изменяется, обезображивается. Нас мучает сознательная или бессознательная мысль о нашей собственной смерти.

Все это доставляет душе глубокую, присущую человеческому естеству боль. И это всеобщий факт, мы все его переживаем, исключений нет. Даже Церковь во время Чина отпевания поет:

«Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть»¹. Песнопения Великой Пятницы и Чина погребения Спасителя без колебаний описывают в очень сильных словах человеческую драму Пресвятой Богородицы.

Но вместе с тем Церковь дает нам и другое измерение смерти. Она говорит нам о блаженстве, упокоении, Царствии Божиим, о состоянии «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная». Церковь говорит нам о жизни и Воскресении, кроющимися за скорбью, безысходностью, трагичностью смерти, которую к тому же называет упокоением. И все это преподносится не как некое утешительное учение, не как облегчающая иллюзия, не как необходимое искусственное удаление от действительности, не как вероятность, но как единственная, великая и главная истина, как вечный опыт Церкви и как практическое доказательство благодати святых.

Эта вера опирается на великое событие Воскресения Христова. Пасха, несомненно, величайший праздник в Православной традиции. Это все богословие вкуче. Прикосновение к тайне смерти и истинной жизни. Это праздник, соединяющий гроб Господень с пустым гробом Его Воскресения. Как только мы выносим Крест в Великий Четверг, мы поем: «Крест Твой, Господи - жизнь и воскресение для народа Твоего»²,

но и тогда, когда возвещаем «Воскресение Христово видевше...», мы опять вспоминаем Крест: «Кресту Твоему поклоняемся, Христе, и святое Воскресение Твое поем и славим...»

Слово Воскресение столь дорого в Православной жизни и богословии, что само по себе говорит исключительным образом и о жизни, и о смерти одновременно. Оно их не

¹ Заупокойная стихира святого Иоанна Дамаскина.

² Утренняя Великой Пятницы, антифон 15-й, после пятого Евангелия. Согласно практике Греческой Церкви после пятого Евангелия во время пения «Днесь висит на Древе» из алтаря в храм выносятся Распятие Господне и поставляется посередине храма. - *Примеч. пер.*

разделяет. Показывает, что жизнь выше смерти, и различает истину смерти в свете непрерывной вечной жизни.

В торжественном Пасхальном припеве «Христос воскрес», главном гимне жизни, из четырнадцати его слов четыре имеют отношение к смерти: «мертвых», «смертию», «смерть» и «гробех».

«Смерти празднуем умерщвление...» - поем мы в каноне Воскресения. Воскресение преобразило Крест и смерть Христа в символы победы и жизни. Не победы и жизни исключительно Его собственной, но Его победы и жизни для нас. Христос воскрес не для того, чтобы заставить нас увериться в Его божестве, но для того, чтобы подарить нам жизнь вечную и Свою вечную жизнь.

Вот почему вера в божественность Христа и Его Воскресение - лучший способ объяснения страдания, лучший инструмент в отражении смерти, лучший метод утешения и опоры.

В итоге, переворот и революция Церкви заключаются, несомненно, и в жизни, которую она нам предлагает, в блаженствах, произнесенных в Нагорной проповеди, в учении любви, но главным образом в ее логике, в логике Крестной. С помощью этого оружия получаешь «киного образа» веру, «обновление» жизни и «блаженство» вечного Воскресения.

В Церкви прославляется Распятый, предпочтение отдается *последнему* (Лк. 13, 30), убеждает не тот, кто готовился, а тот, кому даются уста и мудрость (см.: Лк. 11, 14), обладает жизнью умерщвляемый (см.: Ин. 11, 26). Очи открываются и таинство является, когда Господь становится невидимым (см.: Лк. 24, 31), ученики исполняются радости, когда Христос возносится, разлучается с ними (см.: Лк. 24, 52), смерть сокрушается, когда Богочеловек распинается (см.: Евр. 2, 14), жизнь приобретает ценность, когда теряется (см.: Мк. 8, 35), человек ублажается, когда умирает («Блажен путь, вонь-же идиши, душе, днесь, яко уготовася тебе место упокоения». Прокимен из Чинопоследования погребения), человек направляется *на всякую истину* Духом Святым, который не воплощается (Ин. 16, 13).

Господь прославляется в Вифлееме, когда умалется, в Иордане, когда смиряется, на Фаворе, когда преображается, на Елеонской горе, когда возносится, на Голгофе, когда приносит Себя в жертву, во гробе, когда воскресает. Тогда Он называется Царем Славы. Все это изменяет обычную логику, сокрушает ее. Являет величие тайны человека, то, что каждый из нас кроет в себе, даже если он об этом не знает. Это то, что он должен явить.

Церковь - это Церковь Воскресения, поскольку она знает, как побуждать христиан входить узкими вратами, шествовать по темному пути (см.: Мф. 7, 14), следовать за Господом, взяв свой крест (см.: Мф. 16, 24), жить сораспатыми со Христом (см.: Гал. 2, 20), видеть жизнь через смерть и различать спасение через страдание.

Возлагая наши страдания на Крест Господень «на немже страдав уби страсти»¹ и смерть - на Его Гроб, который Он превратил в Свой Престол, мы можем переживать величайшие последствия своей веры в Победителя смерти: *Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой* (Ин. 7, 38), *верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит* (Ин. 14, 12), и *верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек* (Ин. 11, 25-26).

Вера, подлинная, невинная, детская вера во Христа, являет Бога... там, где Его не видно.

Высокопреосвященнейший митрополит Месогейский и Лавреотийский Николай (Хаджиниколау) родился в 1954 году. Окончил физический факультет Салоникского университета. Затем изучал астрофизику в Гарвардском университете и инженерную механику в Массачусетском технологическом институте. Работал как научный сотрудник в крупных клиниках Массачусетса и служил в течение двух лет в NASA. Преподавал в Hellenic College Бостона, на медицинском факультете Критского и Афинского университетов. Богословское образование получил в Бостонском колледже Честного Креста, имеет звание почетного доктора богословских факультетов Салоникского и Афинского университетов. Стремление к более глубокому познанию истины привело его на Афон, где он прожил два с половиной года. Монашеский постриг принял в 1989 году в монастыре Стомиу в Конице. В течение пятнадцати лет служил в Афинах, на Вознесенском подворье монастыря Симонопетра. В апреле 2004 года был избран митрополитом Месогейским и Лавреотийским. 2005–2009 годы — местоблюститель Священной митрополии Аттики. С декабря 1993 года руководит первым в Греции Центром биоэтики. Член Национального Совета исследований и технологий, член Международной Организации Трансплантологии, председатель Комитета по биоэтике Священного Синода Элладской Православной Церкви. Автор десяти научных трудов и богословских книг, многие из которых переведены на иностранные языки.